

СМЕНА

12

1948

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Герой Социалистического Труда Шура Богданова и представитель колхоза имени М. Горького, Ессентукского района, Н. И. Ломанов вышли в поле.

Фото Л. Раскина

СОРЕВНОВАНИЕ

Летняя июньская ночь, короткая, душная. Только сеточка, перелет расцветом, зашевелилась кусты акации, промрухнул ветерок и зашуршало в густой листве тополя.

Шуре кажется, что Мария Захаровна тоже сейчас не спит. Уж, наверно, встала, пошла в туалет, и сейчас позвонит и пойдет в поле. Там, конечно, все в сборе. А Шура со своими десятками придет мимо, и все зрелище, все десять полейных хозяйственно-комочков, будет молчаливо провожать их лукавыми взглядами: «Меньше гулять нужно, девушка, сейчас мы первые вышли в степь».

В прошлом году зеленую-зеленую Стретенку маршалил за рекордный урожай орехом Ленина. Но Шура знает эту казачку. Не зря тогда Мария Захаровна сказала: «В 1941 году первенство нашего Героя Социалистического Труда Шуры Богдановой. И верно: Шура видела работу этого зельца. И семка собралась по ярмаркам, в снег задерживали, и культивали, и вспахали, и поджорку-вес в шрап, и качество отличное.

Шура встает и максимально наливает одеялками. Невеская, ей куда, нет дома: он с самой Шенни живет со своими трактористами — на ступеньку выдвела его всего с полчасца. Некогда совсем повторить.

Но и Шура сейчас не дома, не в станице, живет она в полевом стане.

Да, нрав был секретаря райкома, Дмитрий Иванович, когда сказал, что теперь возвоу у нас пойдет соревнование между десятками, тогда не тачется, а помощайте друг другу. Но разве они не помогали? В прошлом году Инна Захарова была в ней в зрелище, а сейчас сама зрелищна, и Стретенка тоже сама зрелищна. Как-то раз Владимирону Польскую, вылинула осенью и овинькала. Разве она угавивает? Ведь вчера только она, Шура Богданова, и ее «соперница» Мария Захаровна, обомли вместе участвовали в штурмовом, и она перед другим старательно рассказывала об их первом опыте сельхозника, рубке сорняков и обо всем, что знала сама.

Нет, Дмитрий Иванович, — говорит Шура вполне ясно, — мы все за трудовой Борьмен, но прощайте, когда не мы первые в поле. Хочется встать быть первой.

В прошлом году с 48 гектаров озимой пшеницы зрели Шуры Богдановой поступало по 32 центнера гектара, а с участка в 12 гектаров —

по 39 центнеров. Потому она, 23-летняя комсомолка, зрелищная, и получила героическое звание.

«Было трудно и в прошлом году, — говорит Шура, — а сейчас будет труднее. Обязательство взяла на себя». Шура вспоминает колхозное собрание, на котором она объявила, что с участка в 12 гектаров получит по 32 центнера пшеницы, а с всего массива — не меньше 22.

Все ей заподорожили. А она стояла невозмутимая на трибунах. — Но потому что-то громко спросил, может быть, Мария Захаровна (похож на ее голос):

— А на кукурузу какое обязательство будет?

— Пятидесят — выкрикнула Шура. — Пятидесят центнеров с каждого гектара. С каждого из тринадцати. И по двадцать центнеров подсолнечника с десяти гектаров.

Вот на этом собрании и сказала Стретенка, что, мол, в этом году обязательно первенство нашего Героя Социалистического Труда Шуры Богдановой.

«Может быть, она и перегопит, —

думает Шура. — Очень хорошо. В прошлом году шурино зрелище выросло столько продуктов, что или можно прокормить 19 человек в течение 49 лет. Это она подумала. Ведь если все сащи зрелища дадут такой урожай, — куда думать? Но Шура понимает, что уступить первенство она не может, не только не имеет права, а именно не может: не в ее это натур, характер, черта, гордость... Не может — и все!

Она выходит из хаты. Звезда пообсидела, и из горюхоты чуть начались проступать из темноты черные силуэты гор. Она ухватывается колодой водой, и сразу становится лето. Шура снова заходит в хату и собирается завтракать. А масса ей уже не здесь, а на поле:

«Кати, Леня, Ваня Карасевы — трое, Инна Бронникова и Ира Ванина. Нам на этот участок хатать, пожайте. Последняя пришла перед уборкой, сейчас самое трудное. Мне сказать, чтобы взяла пробу в нескольких местах. На гектаре посея промывки и пропоски должно

остаться по 48 тысяч растений. Даше — кто?»

Шура мысленно перебирает других членов своего звена:

— Поля Воронкина, Мария Болдыр и в это трое, мы — на втором участке, а остальные, как вчера, — на кукурузу.

Нужно будет, как кончим прополку, — замечает для себя Шура, — свезти новеньких в МТС. Пусть похозяйничает с комбайном Протазин на уборке, придется другой раз и штурманского заглянуть. Это сней зимой на курсах агроном советовать.

Где-то задела петухи, и Шура сразу представилось, как по полевой дорожке с тыльками спускается и дому, где живет Мария Захаровна, ее «домохозяйка».

«Рано слишком, не рассветло, куда им! — успокаивает себя Шура, но в груди снова возникает желание, которое ни на минуту теперь ей не отстывает.

Она вспоминает все, как было. Для звена борьба за урожай 1941 года началась во время уборки. Она всю тогда всем зрелищным составом занялась селекцией. Девушки из колхоза комочков отбирали зерна и хранили их по посева. Раньше пар, но в этом году пар не высеяли первыми перекрестный сев. А весной — боронование и подкормка озимых.

«Всегда пришла быстро! — думает Шура, — а как к ней готовилась. Она вспоминает, как в мае после зимы настала вдруг теплина, а за ней — холод. Как болше, не повезит дни корка ледяная! Сколько раз открывали до земли снег и брали на пробу. И ничего, ничего, стужахарины. И удобрены все уже в лемзе: и золь, и селитра, и калийная соль, — и в лемзе, и в лемзе, и в лемзе, в глубоком, рветником строю.

«Ничего, теперь не страшно. Засуха не помешает — только пожулала Шура и тут же! — А если дождь при уносе или весной? Нет, в конце концов вымлет сильный. А убраться — и в дождь уборки. Сутью будет. Только поспешит, бы не отстать».

Ох, как много нужно преддумать! Шура подходит к зеркалу и налеват перед ним низко на лоб белой косынки. На ней — голубое жемчужное тулупе, а с примыком носом и темными глазами.

Шура выводит руки по шекам: «Кудро нежонко, но это ничего, и не так, и не так. Нет, в конце концов вымлет сильный. А убраться — и в дождь уборки. Сутью будет. Только поспешит, бы не отстать».

Но и с Николаем теперь разговор больше о делах.

— Что ж, зрелищная! все к трактористам тешит! — оидя удивленно бранит.

— Как не тешит половина урожая от нас зависит! — отвечает Шура. — А может, больше зависит? — Все будет поспешитесь бригадир.

— А может, и больше... Никола будет все обещать. Николай распрощит, что слышно у понтергесуета, что слышно у

— Не говорю, — смеет он, — лучше отстать на денек, чем хоть один сорняк оставить на участке.

Катяра раз Николай спрашивает о Стретенкой и какой раз советует — ехать на качество... — скажет Шура. — И не отстанет... — скажет Шура.

— Ишь немного рассветло, оидя наступила тишина. Безветрие.

Она идет в Карасевы, где всегда собирается звено. Там уже есть все. Нехватает двух-трех, но ждать некогда.

Девушки идут полевой дорожкой с тыльками на млецах, а армееши всего половины четвертого урца. Хозяйки только поехали коров. Настук уже трюбит в рожок.

Девушки выходят в степь и расходят по своим участкам. Зрелищная идет вперед всех, она наклонится к земле, вымарает комоч. «Ито, Кретики корня!»

Все работает молча, лишь то оидя, то другая зрелищно вдруг неся и замолкает: не до песни сейчас. Вот соборуют на десерт зрелищно, тогда и запоем.

По дорожке, плетя митками туфлями, прохлдет звено Стретенкой. Мария Захаровна смотрит на девушку, не в стужину, но Бутко, говорит трюбит.

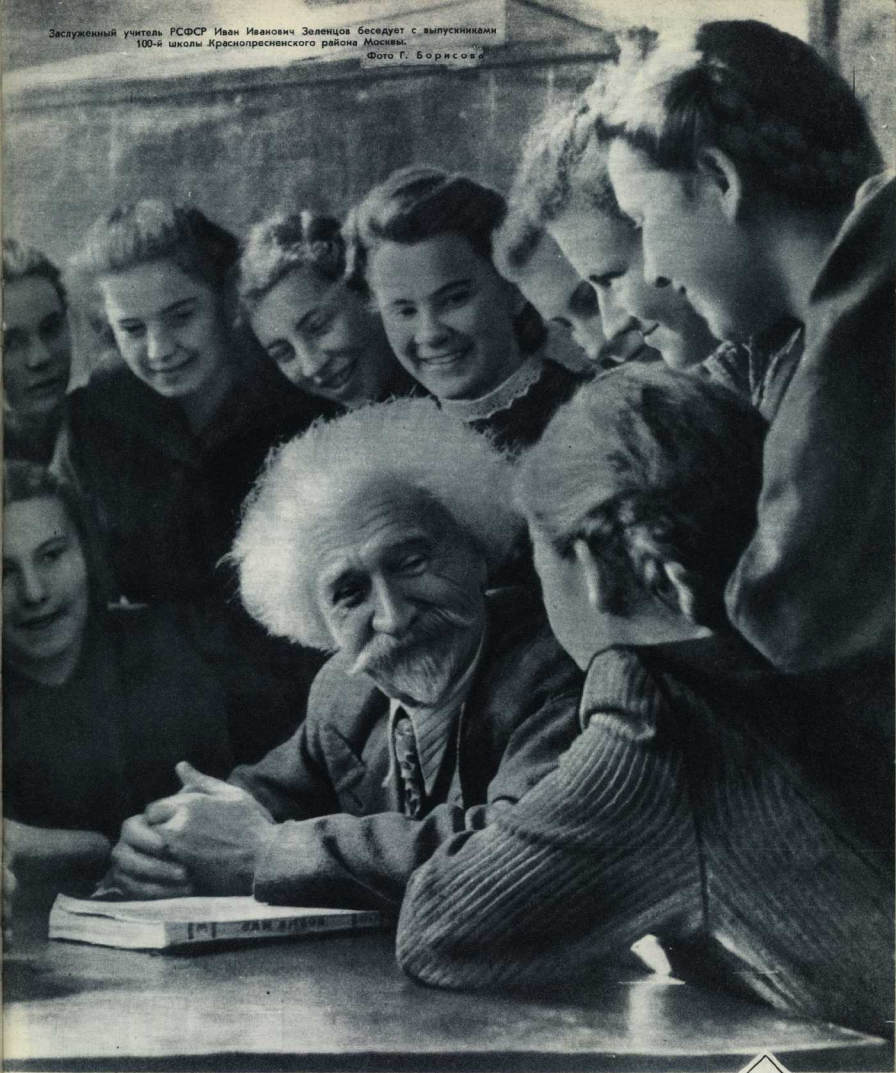
«Иважачко, галин, небось, как погуляла вчера, как на степь пошла. В хате, видно, и не была...»

— Девушка молчаливо провожает их лукавыми взглядами.

Вот они, «соперницы»-земельца Шуры Богданова и Марии Стретенкой!

А. ОДИНЦОВ.

Заслуженный учитель РСФСР Иван Иванович Зеленцов беседует с выпускниками
100-й школы Краснопресненского района Москвы.
Фото Г. Борисова

СМЕНА

Литературно-художественный и общественно-политический журнал
Центрального Комитета ВЛКСМ. Июнь. № 12, 1948 год.

Год
издания
25-й

ГЛАВНОСТЬ НАРОДА

ИЮнь 1948 год оставит прочный след в летописи нашей Родины. Это месяц, когда мы отмечали 100-летний юбилей Виссариона Белинского и радостно-появилось новое мощное отряд лауреатов Сталинских премий. Эти два события, совпавшие во времени, помогают нам глубже раскрыть и величие наших сегодня и славу нашего прошлого, славу великих наших предшественников, трудами и жизнью которых во многом подготовлены светлые перспективы нашей страны.

Быть может, не случайно то, что когда знакомишься со списком новых лауреатов Сталинских премий, вновь и вновь вспоминаются слова В. Г. Белинского:

«Русский народ, богатый элементами разума и эстетического чувства, в то же время отличается необыкновенною сметливостью, практическою деятельностью ума, остроумием, аналитическою силою рассудка...»
«Да, в нас есть национальная жизнь...» — говорит вслед за Белинским советские люди. Пришло время, когда наш народ своим гололом говорит миру «свое слово, свою мысль» во всех областях материальной и духовной жизни общества.

В 1947 году издан труд профессора В. В. Данилевского «Русская техника». Книга эта, отмеченная ныне Сталинской премией, повествует о творчестве русских изобретателей в области металлургии, механики, машиностроения, горного дела, химии, авиации. Автор рассказывает о самостоятельности и оригинальности русской технической мысли, занимающей почетное место в мировой истории. Своей задачей писатель чувства национальной гордости, ибо наша Родина дала миру величайших корифеев науки; им принадлежит приоритет в крупнейших отраслях, явивших собой осязание научного прогресса человечества и определяющих пути развития мировой науки.

Новый отряд лауреатов Сталинских премий в области науки и изобретательства предстал ныне перед советским народом и в области науки продолжает традиции великих учёных нашего отечества — Ломоносова и Менделеева, Пирогова и Лобачевского, Павлова и Жуковского, Попова, Бидлонова и многих других имен нашей Родины, для которых целью жизни было служение своему народу.

Но наши советские люди науки не только продолжают славы традиции великих русских учёных, они во многом превосходят эти традиции. И это стало возможным именно потому, что старая Россия ушла в далекое прошлое, Россия действительно сумела, как мечтал об этом Белинский, «решить социальный вопрос». Капиталистический строй по самой природе своей мигт и душил таланты. Только в советском государстве наука освобождена от власти эгоистических интересов алачювков, для которых честотаи — святая-святая.

Нигде и никогда наука не была так близка народу, как в СССР. И в этом её сила. О процветании науки заботится у нас великая партия коммунистов, заботится лично И. В. Сталин. Работы Сталинских лауреатов за 1947 год показывают, что во многих областях науки и техники наши учёные и конструкторы уже оставили позади достижения зарубежных учёных и конструкторов.

Наш народ по праву гордится тем, что советские физики А. И. Аллиханов и А. И. Аллиханов, открывшие варианты, первыми сказали миру своё слово, ознаменовавшие наступление нового этапа в науке об атоме. Эти учёные давно уже заслужили признание советского народа и мировую известность. Ещё в 1941 году им была присуждена Сталинская премия за одну серию из работ в области ядерной физики. Новый вклад в советскую науку, сделанный Аллихановым и Аллихановым в 1947 году, вновь раздвигает рамки познания окружающего нас мира, снимает покров со многих загадок природы. Этой благородной задаче посвящена трудовому труду посвящена и все другие открытия советских учёных во всех областях науки. Всемерное признание заслуги и работы А. И. Шалиникова, obligиравшего познание человека в области физиологии, работы академика Н. Д. Зелинского и Н. И. Гаври-

лова, решившие одну из центральных проблем современного естествознания—проблему строения и синтеза белка; труд В. П. Батурина, имеющий выдающееся значение для поиска полезных ископаемых и являющийся единственными в мировой литературе в этой области знаний, и другие.

Нельзя не отметить, что в этом году присуждено значительно больше Сталинских премий, чем в прошлом. Выдающиеся работы, заслужившие признание партии и народа, являются не только крупнейшие научные центры Москвы и Ленинграда, но также и учёные Украины, Казахстана, Армении, Азербайджана. Уже сам по себе этот факт показывает нарастающие темпы и объём научных исследований в нашей стране, идущие быстрыми шагами по пути научно-технического прогресса.

Невиданного размаха достигли в нашей стране также изобретательство и коренное улучшение методов производственной работы. Крупные победы творческой технической мысли направлены у нас на укрепление материальной базы коммунизма, на решение непосредственных задач послевоенного пятилетнего плана. Бескак и в трудах наших учёных, с огромной силой опущается неизмеримое нравственное превосходство советских людей над людьми, отравленными мизамизам капитализма. Советское изобретательство не душит сознание того, что его изобретения или усовершенствование методов работы может оставить безработными сотни и тысячи людей. Его творческий труд не направлен на обогащение кошелька бездельников и тунеядцев, а служит самой великой и благородной цели, какую только знала история человечества. Вот где источник того, что присуждение Сталинских премий новому большому отряду советской технической интеллигенции воспринимается у нас как праздник всего народа.

В воённом списке Сталинских лауреатов идут те, кто дерзкой технической мыслью в невиданно короткие сроки поднял из пепла разрушенных фабрик и заводов, восстановили взорванные шахты. В воённом списке новаторов техники инженеры Н. Н. Игитов, А. Г. Картозия и большая группа специалистов угольной промышленности, значительно ускоривших восстановление шахт Дюбася. Всех за ними идут творцы крупных электрических машин постоянного тока завода «Электросила», возглавляемые В. Г. Касьяновым и Д. В. Ефремовым. Это они создали, например, новый турбогенератор, представляющий одну из самых совершенных

машин. Это они впервые в Европе решили проблему водородного охлаждения и побили мировой рекорд мощности электрических машин такого типа.

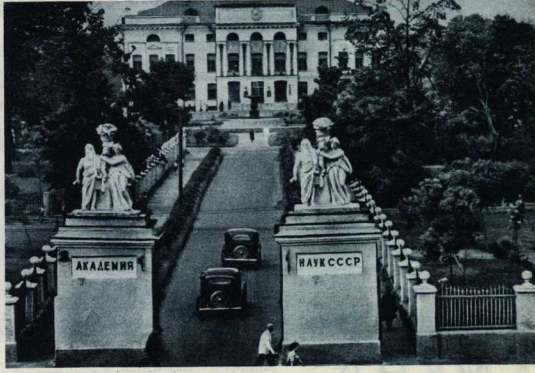
По самым различным направлениям техники идут разнообразные творческие решения новаторов, удающихся в поие высокого звания Сталинских лауреатов. Мы видим здесь и совершенные конструкции новых станков—сложных автоматов, выполняющих до 50 операций, созданных группой инженеров под руководством А. М. Васильева; и универсальный станок высокой точности, созданный М. П. Мерпертом и А. Д. Пороховским, превращающий качество существующих американских и швейцарских станков и комбайн С. С. Макарова для одновременной зарбуки, отбойки и перегрузки угля на транспортер в длинных забоях; и высокопроизводительные экскаваторы, превосходящие по своим показателям иностранные экскаваторы, и многие другие.

Среди лауреатов Сталинских премий мы видим и известные ныне народу имена новаторов-производителей — уральского технолога Александра Павлова и мастера московского завода «Кальфа» Николая Русинского. Это они своим Сталинским трудом и русской рабочей сметливостью прокламуют новые пути науки и техники, оплодотворяя Сталинской практикой производственную науку.

Богата и разнообразна творческая деятельность новаторов науки и техники, удостоенных Сталинских премий. Но есть одна общая черта, объединяющая и конструктора мощных турбин, и советского физика или химика с мировым именем, и селекционера новых сортов картофеля, и творца лыкомобилей — новой, вгде в мире не существовавшей, кроме СССР, машины, — и академика, разработавшего метод искусственного лицевидо, и творца новых боевых самолетов, и всех других лауреатов. Эта общая черта — патриотизм советских людей, их беззаветная преданность своему народу, своей партии, своему родному вождю, делу строительства коммунизма.

На широкой простор выжили советская наука и техника. 9 февраля 1946 года И. В. Сталин говорил перед избирателями Сталинского района в Москве: «Я не сомневаюсь, что если человек долженую помощь, нашим учёным, они сумеют не только догнать, но и перегнать и ближайшей время достижения науки за пределами нашей страны».

Небольшой срок прошёл с тех пор, как произвучали эти Сталинские слова. Многие ещё предстоит сделать, чтобы полностью выполнить задание вождя. То, что уже сделано, не оставляет сомнений в том, что советская наука в ближайшее время займёт первое место во всех областях мировой науки.

Здание Академии наук СССР на Калужской улице.

Фото Г. Борисова

Михаил АНОШКИН

Станок не сердится

Рисунком А. Лурье.

Про озеро Сугомак Виталий знал много легенд, но по душе пришлась ему только одна из них. Он вспоминал её с особенным восторгом утром, когда пришла сюда порываться. Сугомак буживал, Белые барышники вскипали на гребнях синих волн. О рыбалке не приходилось и думать. Виталий приставил удочки к осене и лёг в лодку.

Это было давным-давно. Жил в Кыштыме мастеровой Ефим. Ничем не обогла его природа: ни смекалки, ни красоты, ни смеюлости. И любил он сильнее, чем жизнь, девушку Пелагею. Она умная и красивой походкой деву. Какой песенницей была — по всей кыштымской округе не сосчитать: соперники! Любили они друг друга, а добрые люди смотрели на них да радовались.

Его рано радовались добрые люди. Повстречался однажды с Пелагеей хозьяйский сынок, и поразил его пелагеева красота. Дурная слава ходила о нём в Кыштыме. Не одна обесчещенная им девушка вихтомолку плакала в свои годы. Прозвали его в народе хозьяйского сына Змеем-Горнычем. Черной тенью стал ходить Змеем-Горныч за Пелагеей. Руки просил. Обещался озолотить бедную девушку, если она согласится идти к нему в лодку. Только заветное богатство злого хозьяйского сына? Посмеялась она над Змеем-Горнычем и рассказала о нём Ефиму. Любую лодку затаял против Горныча Ефим и, повстречая, пригрозил ему смертью. Да где там! Больше прежнего стал приставать Горныч к Пелагее, и убила его Ефим. Но скатались молодца хозьяйские холуды, мучили, и решили утопить в Сугомаке. Разным летним утром увезли Ефима на озеро, привязали ему за шеем пудовый камень и приказали каяться падлою смертью. А такая тишина вокруг стояла! У берёзок листики не шелухнулись. Солнышко из-за леса поднялось. Приподнялся Ефим на лодках — камень-то грядь давай, — осмотрелся, взглядом протиснулся с белым светом, захотел и пропел: а!

Прощай, Пелагеюшка!
А с берега, от Голышюк! донёсся до него голос любимой:

— Прощай, Ефимушка! Прощай.
Заворвались палачи. И только хотела взырнуть Ефима из лодки, как, откуда ни возьмись, налетел грозный ветер, заблуждалось мирное озеро, заходили волны с белыми барышниками и переворачивали лодку. Заодно с палачами. То Сугомак рассердился на несправедливую гибель.

В это утро утопились и Пелагея.
Вот с тех давних пор и крут ряна у озера. Смотряши: мирно и беззаботно плещется оно, и вдруг ни с того, ни с сего налетит ветер, почернет серебрянны глады — и пошли гуляющие волны-перекаты...

Лежал Виталий в траве на берегу, смотрел на раздвоившееся пустынное озеро и силится представить Ефима и Пелагею и то ровное море, что покатилось ему в лодку. На середине пригдет по волнам черная лодка-«дшегубка». Виталий встряхнулся. Лодка была настойчей. Её то подбирывало на гребень волны, то зарывало в брызги. В такую пору с Сугомак дует ветер. И, подбирывая его ослепление, сильная волна повернула лодку черном на очередную волну. «Перевёрнут... — с тревогой подумал Виталий и вскинулся на ноги. — Долго ли до белы? Но повнен ловко выправил лодку, и она снова закружилась по волнам, приближаясь к берегу. Виталий облегло восторжество. Такой пловец не пропадет: ловок!

Когда лодка приблизилась к берегу, Виталий с удивлением опознал в лодке девушку.

— И ты русалка? — воскликнул он.
— Минут черз десь мокрая и возбужденная девушка легко выпрыгнула на берег и потянула лодку к береговому пеньку. Становиве в горюхих платье промокло, обдело гибкую фигуру. Она селась посветившей оттого, что вырсымавилась кружева рубашки и плечевые проемы.

— Ух, и сумасшедший же ветер сегодня! — сказала девушка.

— И тебя доволна и сумасшедшим ветром и собой.

Виталий улыбающийся:

— Здесь трудно угадать, кто сумасшедший: ветер или мы?

— Я? — девушка повела чёрными бровями, и Виталий рассмотрел цвет её глаз: они были серые с зеленоватым отливом и очень дерьжкие.

Девушка приковала лодку на цепь, выплескала из неё водичку, достала клебчатую сумку и, закунув по-мужски на плечо весло, насмешливо спросила:

— У вас нет лодки?
— Лучше вашей.

— Вот и хорошо. Помните. Очень приятно кадет. Я бы ещё поехала, да некогда.

— Спасибо, но у меня нет охоты кулаться.

Девушка засмеялась. Она была сильной и лёгкой, и Виталий подумал, что вот такая же, верно, была и Пелагея.

— Вы мне напомини одну девушку, — выскзал он свою мысль, — несуществующую.

— Несуществующую? Интересно.

— Хотите рассказать?

— И Виталий рассказал её легенду. Девушка рассмеялась, хотя в легенде ничего смешного не было.

— Абсолютно никакого сходства, — сказала она, — утрирую кудрями.

И больше не говоря ни слова, неожиданно, как сугомакский ветер, сорвалась с места и побежала к дороге:

— До свидания, Змее-Горныч!

Виталий улыбнулся, покачал головой и вдруг обнаружил, что девушка взяла с собой не всё. Она обронила из дерьжак жезорку, искорка упала на виталино сердце, и синий ветер начал её раздувать.

* * *

Искорка разгорелась и с каждым днём тревожила Виталия всё больше и настойчивее. Хотелось видеть девушку, а где она есть и кто такая, он не знал. Он называл её про себя Пелагеей. И часто, стоя за станком и наблюдая за выходящей металлической стружкой, Виталий думал о ней. Легендарная Пелагея приобрела реальные черты, а сугомакская девушка — легендарный ореол. Это счастливое сочетание сказало действительностью делало нервое юноеоческое увлечение прекрасным.

Оба следующих воскресенья Виталий ходил на Сугомак с тайной надеждой ещё раз встретиться девушке. Оба раза озеро было спокойным, а наметившая лодка поскучивалась от лёгкой зыби, на призыв. Её хозьяйка не приходила.

И всё-таки он её встретил, но только не там, где ждал. Как-то миновав проходулю будку, на заводском дворе он увидел её и сразу узнал. Девушка, и брезентовой обшивкой, спелочное, немоможно неужелюжа в ней, шла навстречу, к проходной. Поровнявшись, Виталий остановил её.

— Минуточку, — сказал он, сдержанная недвусмысленное, вст-то и я туту.

Она улыбнулась оозно, с вызовом.

— Чта вы говорите?. Ах, да! — удруг спохватилась девушка. — Вспомини! Змее-Горныч!

Засмеялся, трихнула кудрями и овать, как и Сугомак, проворно прыгла дальнее. Уже открывшая дверь проходной, крикнула:

— Не шите, не найти!

Принимая станок у сменичка, Виталий против объяснения сегодня не придрался к не-

му. А тот, привыкший к вечным придркам, недоумевал, хотел что-то сказать, но махнул рукой.

Витас светлая стружка из-под реза, крутится деталь, а в виталиных глазах буживает грозный Сугомак, белые барышники вскипают на гребнях волн, по волнам пляшет «дшегубка». Она чернее воли, а в ней — девушка! Лодка податочна, «формованном ситцевом платьишке». Не шите, не найти! — звенит в ухах её голос.

Виталий сжимает губы и вслух упремо твердит:

— Найду!

Улыбаётся, перекачивает скрючен вращення шпинделя: «Теперь я знаю, где тебя искать»!

Он искал и наёл о ней кое-какие справки. Ему помог завоком, который в начале июля вывезли в заводской филиал фотоинструменту думных людей завода. Он наёл её портрет. Сугомакская девушка с вызовом улыбаётся эм с фотогорючки, словно бы дразнила: «А вы, думогичи-на, Змее-Горныч!» Виталий выискивая платок, «формованщина стаффасоного цеха Людмила Самойлова. Норму выполняет на 250—300 процентов.

— Ишь, ты! Людмила! — улыбаются Виталий портрету. — Куда забралась!

В следующие дни он встречал её ещё несколько раз, но молчала, надеясь, и ждал, что она не работает у них в цехе, хотя бы табельщицей. Тогда он видел бы и разговоривал с нею каждый день. Каждый день!

Теперь он знал, что Людмила живёт в Шуранске. Матери у неё нет. Престарелый отец стережёт колхозничные огороды рабочих завода на той стороне Сугомака. Стало понятно, куда она ездила в тот раз. Маленькие подробности из людоминной жизни созидали вокруг неё незабываемое приключительный фон, и Виталий метал в голову варианты встреч у себя. Только бы представился подходящий случай. Увлечение уверенно перерастало во что-то большее, сильное и беспокойное.

Случай представился. В конце июля заводской комитет комсомола устроил в са-заводском комсомольском клубе вечер. В ресторане летнем клубе, в саду, негде было повернуться. Вручали медали «за доблестный труд». Одним из первых медаль получил Виталий, и знал, что здесь где-то находится Людмила. Виталий решил воспользоваться словом. Короткое путанное выступление он закончил так:

— Мы ещё посомтрим, товарищи, кто у нас будет лучшим и чьям портретам красоваться на той витрине!

Ему хлопали, но никто из них, думалось, Виталию, не понял истинного смысла последних слов. Этого и не требовалось. Он знал, для кого это было сказано. Знал! С Людмилой встретился на лесенке, спускаясь к станку. Девушка была в первом шелковом платье, в туфлях. Платье облегло стройную фигуру. Какая она величавая, эта формованщина из стаффасоного цеха и до чего близка виталиному сердцу! Людмила улыбаётся. Она была получать медаль.

— Завтра, — сказала Людмила, — уступаю ей дорогу, сказал Виталий.

Она в ответ солкала кивнула головой. И нет, не заметил Виталий в этот раз насмешки в её взгляде.

С изумлением нетерпением ожидал Виталий конца церемонии, и, когда объявили танцы, они кинулись ис искать. Нашёл на танцевальной площадке и пригласил на вальс. Она согласилась. Он осторожно, с третном обхватил её за талию, и они закружились среди других пар. Вальсёте девушка опиячала его, он чувствовал её дыхание, ощущая на плече её цепкие пальцы. Людмила была задумчива и молчалива. Виталий её не видел её такой.

— Я вас не узнаю сегодня, — сказала Виталий, глядя ей в глаза.

— Я всегда такая. Вы меня не знаете, — ответила она.

— Всё возможно, не спорю, — согласился Виталий. — Не знаю.

— Мне этого-то жарко. Не пройтись ли нам по аллее?

Они сошли с площадки и вышли в поток гуляющих. Оба молчали. Виталий не находил тему для разговора. Молчанье становилось неудобным.

— А вы нескладно говорили на сцене, — наконец, обмолвилась Людмила. — Особенно о фото.

— О фото? — оживился Виталий, хотя её замечание задело его самолюбие. Он обрадовался возможности покончить с молчанием. — Наоборот! Те слова надо повторить! — Что же в них непонятного? Я всё понимаю.

— Далеко, далеко не то! — удивилась Виталий. — Не то!

— Не то? Хотите, скажу? — спросила Людмила, заведя шаг.

Насмешливый прищур глаз, устремлённых на него, заставил садоко ёкнуть впитанно сердце. Да, она отгадала тайную мысль, и тем лучше, тем лучше!

— Мне всё известно, Виталий, всё и даже больше, — сказала Людмила тихо и предостерегающе. — Пойдёте к пруду. Только не обращайтесь на мои прищурки. Хорошо?

Пруд спал. Ночь окутала его тёмносерой дымкой. Луна на дороге летела от сада к лесоплаке. Отныне лесоплаки гирляндой жёлтых цветов маячили далеко в ночи. Справа разрезанным, четким пульсом билась ночная жизнь механического завода, и порой густую синеву развевали осветительные вспышки электросварки.

А там, далеко, далеко, верным стражем тишины и спокойствия чернели Уральские горы. — Как чудесно! — вздохнула Людмила, вставив за решётку загороды. — Смотрите, смотрите, звезда ушла!

Виталий встал рядом с ней. Он ждал только минуты давно. Сейчас он скажет всё и не может того быть, чтобы Людмила отвергла его. И, словно угадывая думы Виталия, Людмила, повернувшись к нему, сказала:

— Я знаю всё, знаю, что вы спрашиваете обо мне всё, знаю, что вы следите за мной.

Виталий не шевельлся. В нём всё напрялось. Он не слышал ни музыки, ни вздохов завода.

— Вы очень настойчивы, и мне это нравится.

Теперь он повернулся к ней. Её лицо было близко-близко, глаза блестящие, странная, незловимо намешивая улыбка тронула губы.

— Выслушайте меня, Людмила, — протворил с дрожью в голосе Виталий.

— Не надо. Я не глупа и понимаю, для чего вы это делаете. Но вы никогда ни о чём не договаривались?

— О чём?

— А вы могли бы догадаться. Я вас приметила тоже с того раза, но встреч не искала, а могла бы искать.

Смысл её слов медленно дошёл до сознания и отравил принудителе настроен. Озарение сегодняшнего вечера улетучилось, как дым.

— Значит?.. — грустно покачал головой Виталий.

— Да, — подтвердила девушка, — да, — повторила она тихо. — Вы добились, что ваш портрет будет висеть там же. Я верю этому. Вы можете стать гермом или ещё кем. Я буду рада за вас. Но поймите, Виталий, это не изменит наших отношений. Они никогда не будут ближе, потому что я... люблю другого. Но мы будем хорошими друзьями, правда?

— Хорошими друзьями, — машинально повторил Виталий.

— А потом знаете, что мне непонятно, — уже весело спросила Людмила, — разве работать лучше всех для того только и надо? Для себя?

Виталий молчал. В один миг, маленький миг, который равен миллионной доле человеческого жизни, вдруг разрушилось то, чем он хо-

тел украсить свою жизнь. Мириться с этим — нелегко, но мириться надо было.

И он мирился, избегая встреч и стараясь не думать о ней. А она незаметно присутствовала с ним всюду, выныкая во все его дела. Она стояла с ним у станка и шептала: «Не для себя! Слышите? Для всех!» Она всегда соглашалась с его мыслями, потому что её мысли были чужды ей. Он говорил, она говорила именной осознание идти в техникум и знал, что она сказала было: «Я рада за вас. В конце концов, Виталий в этой игре с невидимкой находил удовольствие и утешение. Игра помогала забыть настоящую Людмилу.

Перед отъездом в Челябинск, в техникум, Виталий снова посетил Сутомак.

Ещё по-летнему шумели берёзы, но чуткое ухо услышит в этом шуме осеннюю потухлость. Лиственничные светлоглазый налетом. Не пройдёт двух недель, они все поубоют, и ветер спугнет их с веток, покружит в воздухе и мягко опустит на сморзную землю.

Ещё по-летнему булбалас за озером гора Сутомак, но от этой булбаласы было осенним холодком. Скоро, очень скоро выветвет у горы-красавицы богатый наряд, и она стыдливо окутается в густую дымку осени или в сморзную радость туч.

Ещё по-летнему бесечно ворчала на гальковом берегу озёрная волна, но пройдёт полмесяца, и в предвечных зыбках она заплещется тоскливо и гауко.

Последние дни тёплого лета.

Виталий поддался грусти минувшего. Его грусть была тем сильнее, что родилась она в глубине сердца. И в то же время что-то вечно светлое, как солнце, пробивалось одновременно с грустью на той же глубине.

Виталий подошёл к заветному месту и сел на камень недалеко от ленька, к которому была прикована Людмила лодка. Озеро левило перекатывато свинцово-голубые волны, и они синели нахлестывая о берег. И престаивал Виталий ту первую встречу: гибкую, порывистую, как сутомакский ветер, девушку. «До свиданья, Эмей-Горныч!» — крикнула она ему тогда. — Эмей-Горныч! И видит Виталий то такое злое утро, лодку на середине озера и слышит: «Прощай, Пеллагешовка!» Прощай, Ефимушка, прощай!» И вот грозный ветер возмездия, ветер справедливости вывернул из синих даль Урала, заблудилась зловою теньшину. Эмей-Горныч! Нет! Виталий вскочил на ноги.

— Зарастуйте, Виталий! — услышал он за спиной её голос, вздрогнул и решил повернуться.

Людмила! А рядом с ней парень в военном китесе, леньшовой, коренатый, с избыточными изгибам. И не красив и не строен он был — самый обыкновенный парень, примечательный лишь тем, что не походил на других. На плече он вёл вёсла. Он дружелюбно улыбался Виталию. И то, светлое, победило грусть. Виталий сконфуженно улыбнулся. Людмила, забыв уже о Виталие, легко подбежала к лодке и загремела вёслами.

— Думаю на тот берег прокатиться. К её ступи. — положила вёсла на землю, повелел Виталию лодкини жених, ибо это, несомненно, был он. — Закурим?

Виталий качнул головой: он не курил. Светское уверенно покорило виталию сердце, растеклось теплом по груди.

— Готово, Андруша. — крикнула Людмила, — поехали!

— Может, с нами за компанию хотите? — предложил Андрей, забывая вёсла.

— Спасибо, мне пора домой. — Да он вот бодится, — рассмеялась беззлобно Людмила, услышав его ответ. — До свиданья, Эмей-Горныч! Счастливо тебе!

Лодка отчалила от берега. Двое поплыли навстречу своему счастью, и Сутомак не сердился, в Виталий не сердился. Он не жалел, что случилось так, а в иначе. Искорка, бесполойная искорка, ненароком оброненная в тот ветреный день, гаяла и вась Людмиле и не тревожила больше Виталия. Он помахал Андруе и Людмиле: «Счастливо!» Он уже верил, что завтра и он отчалил навстречу своему счастью.

Д. — Долгая, Осенский район, Челябинской области.

...И, закинув по-мужски на плечо весло, насмешливо спросила: — У вас нет лодки!..

На рыбной ловле.

Фото И. Миловидова
(с выставки фотолюбителей, молодых сотрудни-
ков Тимровинлапрома).

В ТЕХ МЕСТАХ...

Может быть, это нам лишь приснилось
когда-то,
И здесь не было вовсе воронок и язов,
Может, шли здесь не мы, а другие солдаты
Мимо сорванных крыш и сметенных дворов.

Можно долго стоять, сомневаясь, не веря,
Но когда на севе в нас редюющей дымы
Гулко эхнула топор, дружно злоупиши двори
И, над крышами встав, закружились тьмы,

Стало ясно, что мир заселится снова,
Человек обживает своим чередом.
Остро пахнущий краской и стружкой
сосновой
Возвезданный на месте пожараща дом.

Это та неуёмная русская сила,
Что на штурм крепостей нас бросала
в штыки,
Здесь на зноющем ветру затесала строения,
Настелила поля, навела потолки.

Снова люди выходят в поля до рассвета,
Зреет колос, клюочет в турбинах вода.
Оживает металл под руками. И это —
Продолжение мужества, ярость труда.

Так, пройдя испытанные огнём и бедою,
Мы из гнилого праха, мужага, вставим
И, вернувшись на место недавнего боя,
Лишь по вражьиим могилам его узнаём.

НА МОРЕ

На море шторм, на море caos,
И вдоль кипящей полосы
Всё побережье, задыхаясь,
Трепещет блистками хамсы.

Вода гремит,
И на ухабах
Среди крутящихся валов
Баржас изогнет с боку на бок,
И напроць вышвырнут улов.

А человек среди погрома
Напористо и тяжело,
Всё выгребает к волнолому,
Вцепившись намертво в ствол.

Уже под вечер,
В отупенье,
Глотая тину и песок,

Перед войной Глеб Пагирев окончил Литературный институт Союза советских писателей. С первых дней Великой Отечественной войны Пагирев пошёл на фронт, был тяжело ранен в боях под Ленинградом, где командовал взводом в пехотных частях. Всё творчество Пагирева посвящено суровой солдатской дороге, героям фронта, его друзьям, сегодняшним соотечественникам. Стихи Пагирева полны света, бодрости, мужества и преклонения перед искусством, волею и разумом советского человека. Сейчас Пагирев готовится к печати первую книгу своих стихов; мы публикуем четыре стихотворения из этой книги.

Он, вида берег в мильной пене,
Последний делает бросок.

И с чувством ярости недавней
Перевзгляд назад, туда,
Где перемальвал камни
Остывшая вода.

Нет, он упрям!
И той же ночью,
На сон оставив полчас,
Ляжет порванные в клочья
Есть сырые перуса.

И к морю галькой просолёной
Опять идёт он, озорной,
В свою профессию алкобённый,
Не расквашившись с волной.

СТАЛЕВАР

Человек, опалённый дыханием домен,
Сорок лет проработавший возле печей,
В личной жизни был тих, незаметен и скромней,
Не терпел похвалы и трескучих речей.

Он не знал за собой никакого героизма
И не думал о лаврах, о славе навек.
Малочливый старик невысокого роста,
Поседевший до срока в трудах человека.

Но когда он стоял у развершейся домы
И чуток клюочат под ногами в золе,
В этот миг человек становился огромным,
Величавым, как подвиг его на земле.

СТАЛЬ

Сталь врубалась в землю разъярённою,
И в земле, как думается мне,
Там, где наступали батальоны,
Сталь лежит пластами в глубине.

Сотни лет пройдёт, и археолог,
Обняв непроходимый пласт,
Изучив заурядный осколок,
По нему эпоху воссоздаст.

Он сумеет пламени коснуться,
И ему откроется вдали
Век великий воли и революции,
Легший в основание земли.

Занасы оловом на заводе кончалась. Где-то в пути из-за сильных заносов застрял состав с металлом. Нужно опять заново заместить министра — Москва требовала немедленной отгрузки сплава «карро» для «Запорожстали». Просмотрев книгу расходов металла, начальник цеха Рыбинин приказал: «Олова хватит на отливку 45—38 тонн сплава. И требовать не менее 60. Начинать работу бессмысленно.»

Он взял «Книгу мастера» и начал что-то писать своим мелким уютловатым почерком.

Разрешите, Николай Яковлевич?..
В кабинет вошёл вышколенный сукошавый юноша. Начальник цеха знал его: это был студент-практикант одного из индустриальных вузов.

«Преддипломную практику Юрий Кривенко проходил в качестве помощника мастера литейного цеха. Он понимал, что практика — это последний шаг перед самостоятельной деятельностью. Каждый день после смены Кривенко часами просиживал в библиотеке завода, изучал технологию плавки и шихтовку различных сплавов. Он обратил внимание на то, что оловом все сплавы сплава «карро» держатся на 7,5—7,9 процента. Шихтуется же оно на 7 процентов. Это заинтересовало его. Наблюдая за отливкой одной из партий «карро», он установил, что медь подвывает загрязняющая. Следовательно, чистой меди в сплаве было меньше, чем полагалось по шихтовой карте. Медь загружалась в начале плавки, а оловом — в конце. Значит, был утрат медь.

Неторопиво и обстоятельно Кривенко изложил это начальнику цеха. Он разработал новый состав шихты, рассчитанный на значительную экономию олова.

Его предложение хотя и вызвало сомнение у начальника цеха, но было принято главным инженером и металлургом завода.

«К четырём часам, подшохова канал плавки, загрузили первую садку. Через полчаса плавка была готова. Взяли пробу для анализа. Раньше анализировали каждую третью плавку, теперь, при другой шихтовке, решили анализировать на первых двух каждую. Через сорок минут звонок из лаборатории.

— Что? 5,7! Не может быть! Вы где-то наврали. Сейчас проверите?

Через полчаса опять звонок:
— Анализ подтвердился — 5,7. Вторая плавка — 5,61.

Юрий стремительно выбежал из будки мастера:

— Скорее проверить навеску! Неужели вкрадлась ошибка?

Посмотревшись с мастером, Кривенко добавил олова в печь на металл, оставшийся в канале от предыдущей плавки.

В шесть часов получены следующие анализы: 5,9, 5,6. Все плавки шли в брак. Подождал мастер.

— Я звонил Рыбинину. Он приказал прекратить плавку.

— Что вы! Ведь заказ срочный!

— Запоржков нужен металл, а не брак.

Кривенко ничего не ответил. Бросился к телефону.

— Лаборатория? Когда будут первые механические испытания? Не раньше восьми... Тогда я вас попрошу поставить первые плавки на электротрон.

Кривенко достал из кармана записную книжку и логарифмическую линейку. Слова проверил все расчёты. Всё правильно.

Вскоре в цех собрались инженеры. Уже были предложения прекратить плавку. Но в эту минуту дверь с шумом раскралась. Тяжело вошёл Кривенко противно бумажку. Механические испытания были в норме.

Телефонный звонок. Трубку взял главный инженер.

Выяснилось, что перед сменой в коловку залили новый раствор, а тигр остался старый. Поэтому результаты получились заниженные.

Главный инженер тепло посмотрел на Кривенко и, притянув сильной рукой к себе, взъеролил его волосы.

— Молодец, парень! Уральская у тебя хватка.

Ф. БОРИСОВ, М. ГРЕДИН,
студенты-практиканты

г. Каменск-Уральский.

М. Горький читает 11 октября 1931 года тт. Сталину, Молотову и Ворошилову свою сказку «Девушка и смерть».

С картины лауреата Сталинской премии художника А. Н. Яр-Кравченко.

Н. НИКАНДРОВ

У ГОРЬКОГО

Как-то ночью, когда я уходил от Горького домой, он, провожая меня до порога, говорил:

— И отчего вы ходите ко мне главным образом вечерами? Физбров боитесь? Вот что: старейшие-ка приходите к обеду.

— К обеду неаппетитно... — прокивнул я, чувствуя в то же время, что иногда обедать у Горького было бы хорошим подспорьем для моего скудного бюджета. — За обедом у вас всегда народ...

— Вот это и хорошо, что народ. Сможете на людей посмотреть и себя показать. Приходите завтра. Победиме, потом побуду ко мне в кабинет, послушаете, как я пройду просвещать начинающих литераторов. Может быть, мои уроки когда-нибудь и вам пригодятся.

И я пришёл.

— Столько чужих рукописей?! — невольно вырвалось у меня удивление при виде бумажных стопок, разложенных на письменном столе Горького.

— Тут их ещё мало, — с гордостью сказал Горький, поглаживая большой кистью руки очередную кипу, видимо, предназначенную для разбора с авторами. — Главные здесь вот где.

И он указал на простую полку из широкой выстроганной доски во всю длину стены, позади его письменного стола.

Там, на всей доске, от одного угла комнаты до другого, нестрадал в удивительном, отсортированном порядке папки, стопки и трубки различной исписанной бумаги: писчей, оберточной, нотной, обойной, папирной...

Вероятно, оттого, что я был заранее предрешён относительно массового, едва не поголовного авторства жителей Нижнего Новгорода, на меня горч чужих рукописей у Горького произвела гнетущее впечатление.

— Много пишут? — безрадостно спросил я.

Горький весело оживился, завалился в кресле.

— Много, очень много, — по-мужички заволачил он, с довольным видом россып крупными руками в рукописном добре, подогатанная его к предстоящим занятиям.

И приставив свой стул поближе к его креслу, чтобы познакомиться с теми местами рукописей, которые были старательно подчёркнуты его карандашом. И я увидел, что к большинству рукописей, как правило, были приложены наивные записки авторов, умолявших Горького прочесть рукопись «безраздельно до конца», так как «самос интересное начинается в конце».

— Наверное, всё-таки больше сходит к пишущим. — Мужичины или женщины?

— И мужики и бабы одинаково много пишут. Душа радуется.

— Наверное, всё-таки больше сходит к ума наш брат, зелёная молодёжь?

— Не угадали. Старики и старухи тоже не отстают. У них хотя биография есть, а у вас что? Пока ничего, один новорыбацкий. Тут один старик приходит, ему, наверное, 90 лет. Всё знает, ходячая энциклопедия. А писать не умеет. И так жалко! Когда померит, унесёт с собой в могилу огромнейшие сокровища своей памяти.

В это время осторожно, по одному, начали просачиваться в кабинет авторы заготовленных на столе рукописей, и наш разговор с Горьким на время прекратился.

— С целыми группами занимаетесь? Горький испугался:

— Что вы! Что вы! Это только на сегодня их так много набралось.

Авторы, подбавившись, проходили вдоль стен по кабинету; боялись шуметь,

кашлянуть; обходям створкой каждый предмет; остергались задевать за стол, за стул, чтобы своим прикосновением чего-нибудь не осквернить в этом святянице.

Их благоговение перед Горьким перед его литературной мастерской мне понравилось. «Тая и надо», — думал я. И мне, политическому сёмальному, страшно хотелось, чтобы Горький хорошо разругал их литературу. «В революцию не идут, потому что там ни славы, ни денег, только тюрьма да ссылки. А в литературу валаом валат».

Когда после общих вступительных замечаний, касавшихся всех разбравшихся рукописей, Горький перешёл к отдельным их рассмотрению, в комнате водворилась гнетущая тишина, свойственная залам судебных заседаний перед оглашением приговора. Только изредка были слышны поскрипывавшие стульев да тяжкие выдохи не уверенных в себе авторов, сколаживших, что рискованно предстать со своими творениями перед самим Горьким.

— Мукосеев Иван здесь?

— Здесь.

Произведение Мукосеева занимало немного более трёх рукописных страничек, и Горький предложил автору самому прочесть рукопись вслух целиком.

Тот, простоватый юноша, со смоченными и приглаженными назад жёлтыми волосами и с красным, прыщавым лицом, растерялся как школьник, не приготовивший урок.

— Я не умею читать вслух, — трудно пронёс он и умоляюще устался на Горького.

— Как сумеете, — успокаивал его Горький. — А давать вам ведь читать другим людям не надо. У нас такая неразборчивый почерк, да и буквы тожко подгула, все буквы на ней расплосались...

Как ни тяжело было Мукосееву самому оглашать собственный рассказ, но пришлось согласиться. Не спорить же с Горьким! Кроме того, когда первая волна авторского испуга, близкого к отчаянию, у него прошла, он впадал в состояние полного безразличия. Будь что будет.

Он прочёл название рассказа и не узнал собственного голоса.

Рассказ назывался «Цвела сирень».

Было видно, позитивность названия рассказа аудитории понравилась. На лицах большинства зыграла улыбка. У кого-то вырвалось одобрительное «Ого».

Мукосеев голосом, обезумевшим внутренним страданием, читал:

«Когда на Пушкинском городском бульваре зашевелилась первая сирень, ученик 7-го класса саратовской гимназии Ветаугин окончательно потерял способность, готовившись к экзаменам и каникулам, что он серьёзно и по-настоящему любит учиться 7-го класса гимназии Остроумову.»

Из дальнейшего авторского чтения слушатели узнали, что гимназист Ветаугин объясняется в своём чувстве гимназистке Остроумовой, объясняется и этому же осуждению и, очевидно, по наущению родителей, наговорила ему много неприятных вещей, холодных, безучастных фраз, вроде того, что ей «ещё рано любить», «надо учиться», «кончать курс», «куда-нибудь поступать», «помогать отцу, матери». Отвернутое сердце Ветаугина тогда не находило себе покоя. Гимназистка забросила подготовку к экзаменам, с тоскливым чувством бросила занятия, перешла в 7-ю класс в Пушкинском городском саду, по-весеннему благоухая, цвела сирень. Тогда Ветаугин, как бы подталкиваемый чем-то изнутри, сол писал рассказы. Когда рассказ написан, он саратовский гимназист Ветаугин и саратовский гимназист Остроумов поворачивают о поворачиваются в их городе новым талантливым писателем, Остроумова пожелает, что отвергла его чувство, и сама к нему приближит. С величайшим трудом добиваясь до конца рассказа, показывая Ветаугину настолько замечательным, сильным, «горьковским», что он решил попробовать воздействовать им на Остроумова ещё до впечатления. Вручая девушке для прочтения свои рукописи, он забыл упомянуть ей, что Максим Горький не провёл

ни одного класса гимназии, — ни одного класса! — а гремит сейчас на все России на весь мир. Но сколько же раз было написано на бумаге, что и прочтут, услышат у него, у Ветугина, который пропал почти что полный курс гимназии! На другой день, возвращая автору прочитанную ею рукопись, Остроумова насколько равнодушно сказала: «И прочтут, и услышат».

— Ветугину, что «хотят» и «этих делах ничего не понимаю, всё же сразу видно, что писца не писатель». Ветугин вскричал: «Почему не писатель? Как не писатель? Я и не хвалясь, что я умею писать. Я только буду писателем. Девушка с прежней свойственной ей прямотой, спросила: «Когда же ты будешь писателем?» Ветугин: «Когда напечатает этот рассказ. Самое трудное — напечатать первый свой рассказ, а редакция знакомство, а потом само пойдёт. Думаешь, у Горького вначале дело шло легко? Ещё потяжелее моего...» Остроумова равнодушно: «Ну, что же, пойдёшь». Ветугин задумал: «Что ждешь? О!» «Когда начнется?» Упрямство девушки заставило Ветугина затопиться с печатанием рассказа, и для гимназистки настали воистину самые трудные дни в его жизни. Рукопись, в несколько экземпляров, должна была по нему съезжать по множеству редакций, столичных и провинциальных, и, кроме горочений, ничего автор не приносил. Редакции, словно говорящие, отвечали в один голос: «Рассказ не блещет, что даже не может быть предметом суждения: «Не литература»; «Набор чужих фраз»; «Пустое место»; «Автор берётся не за своё дело...». В подобных удержках, следованных одной другой редакцией год, Савва не получалось. И любовь не наладилась. По этому человек очень впечатлительный, Ветугин за этот год сильно изменился, поблелел, погудел. После крушения своих грандиозных надежд он никак не мог поместить в журнале мизерным существованием и чувствованием, что попал в безводный тулук. А в Пушкинском городском саду, некогда благовоздух, как в прошлом году, цвела сирень. Тогда Ветугину, по своему привычному стилю, достав револьвер, всего лишь с тремя пулями, и две из них выпустил в Остроумову, третью в себя. Судьбе было угодно, чтобы девушка отдалась искушению лёгким шарманкам, и Ветугин уже не приходил в сознание, умер. «Хороша его вес. Саратов...» «За гробом, утлапавшим в цветах, много гимназистов старших классов в лёгких весенних пальтах, превращавших их в так много обещающих небесных созданий...» «На каадище были палявки, и старые и малые, и учителя и учащиеся, но больше всех Остроумова: она поняла, что так же любовь...» До самого конца в горле, слышны предсказания, как неземной, делье, какого в Саратове никогда не было. На Пушкинском бульваре, щедро развивая свой аромат, цвела сирень».

Вспомнил Мукосеева с затёпанным дышником. С первых же строк его рассказ начинал очень смелым и взволнованно необычайно. Иные из молодежи даже с большим страхом, чем сам Мукосеев, ожидали, что скажет Горький, насколько терпимо отнесётся он к произведению, в котором упоминается его имя.

Все замерли в ожидании отзыва Горького. Но, что ж, — нетерпимым было сказано Горькому, сидя за столом, глядя прямо перед собой: — Рассказчик так себе. Это даже не рассказ, статья. Даже не статья, корреспонденция. Корреспонденция из Саратова об очередном городском происшествии. Я, помню, сам читал в прошлом году «Вестник» об этом случае с гимназистом и гимназисткой. Ещё тогда церковники вполголоса, писали о недостаточной религиозно-нравственной воспитательной роли школы.

— Вы читали? — обрывается и повселеся автор. — Значит, я правду написал? Правду? У меня нет ничего выдуманного, всё взято из жизни.

— Факт сообщил правильно, — с прежним спокойствием, несущая продолжая Горький, поставив на стол очки и сдвинув ладонью левую руку, — это да, художественного произведения этого ещё не достаточно. Нехватает многого. Я извинюсь, что буду повторять старые, заблужденные истины, но произведение искусства не должно быть лишено ни одного из этих фактов, а его осмысливать, вскрывать, освещать изнутри. Если ещё кое-как можно понять причину покушения на самоубийство вашего Ветугина, то почему он пытался убить Остроумову, это читатель вашего произведения ни в какой мере неясно. Почему ваш герой «да девушка две пули», а себе оставил одну, об этом тоже можно было бы написать очень много. Но, ввиду своего, ввиду этой темы, но в меру своей значительности не разработана.

— Значит, тема моя значительная? — жалобно и вместе радостно переспросил юный автор, весь красный, облизывая потом, как в баше.

— Да, очень значительная, — подтвердил Горький и продолжал разбор: — Это я говорю относительно содержания прочитанной вами вещи. Это, конечно, не совсем нет красок; отсутствуют картины; голый перечень названий предметов, а не самые предметы в их материальности. Ни одного словесного портрета, ни одного характера, ни только фамилий. А художник слова должен показывать вещи, а не только называть. Назвал сирень — покажи сирень как чувственное впечатление от неё. Назвал Саратов — покажи этот город, дай мне чистый саратовский штирчик. Назвал любовь — нарисуй её, покажи, как она выглядит. Назвал отчаяние — то же самое заставь меня ощутить это чувство, заставь и я. Если пишете «слова», то дайте «слова», дайте, заставьте читателя почувствовать, чем она пахнет. Кстати, необходимо отметить, что у вас на протяжении трёх страничек четыре раза «цветёт сирень», а если считать название, то и пять. Это, конечно, не так уж важно, но совсем не обязательно в рассказе принести подлинное имя живого человека, Максима Горького, поскольку это — не заявление прокурора на предмет привлечения Максима Горького к ответственности, предумышленного убийства гимназистки, а произведение «писателя Максим Горький» можно было бы написать «модный писатель». Так скромнее, без претензии на скандал или сенсацию. И опять, почему вы фамилию гимназиста не изменили? В тексте вы Ветугин, и у вас Ветугин. Осталось ещё сказать о морали произведения, зачем писано.

Тут Мукосеев воспользовался паузой, когда Горький хотел переодеться. Озабоченно, словно за словом, высказал свои объяснения:

— Зачем писано, — это у меня было подробно объяснено в прежнем варианте рассказа. Там было много морали, но, конечно, специальная концовка с моралью, как бывает в баснях. Потом я вспомнил ваши указания, что разжевывать и подкалывать читателя не нужно, и выбросил её. События рассказе, конечно, можно было привести тексты той морали: «К сожалению, случай с Ветугиным и Остроумовой не единственный среди саратовской молодежи. Все девушки Саратова с некоторыми пор озабочены одной и той же любовью». Формулирует же никак не меньше. Максима Горького. Или Максим Горький или никто. Лучше они останутся в старых делах, а Ветугины им не нужны».

Аудитория разразилась взрывом хохота. Когда Горький, сидя за столом, и начал читать рассказ, он, видимо, иронично, шутливо, добродушно захохотал, потом сильно закашлялся и частыми вздохами руки решительно отверг мукосеевскую «концовку».

Горький, как сидел за столом, так встал и вышел из комнаты. В этот момент добродушно захохотал, потом сильно закашлялся и частыми вздохами руки решительно отверг мукосеевскую «концовку».

— Как несерьёзную, идущую вразрез с общим тоном всей вещи.

Вздохнув и выслушав, на некоторые вопросы не замечал, однако, судя по лицам, и во время молчания продолжал мысленно шутить всё на ту же шекспировскую тему: о бесталанных женихах и требовательных авторах.

При обращении к автору рукописи со своими правками Горький строго сказал, обращаясь ко всем:

— Чтобы из газетной заметки сделать художественное произведение, надо очень много работать. Работать и работать.

Вместо «работай» он, как всегда, произнесла «работайте».

— Значит, доработать? — вписал преданных глазами в Горького Мукосеев.

И в этот момент, когда Горький, руки, прижимавшие его к Горькому рукописи.

Затем подвергався критическому рассмотрению другие рукописи, по несколько штук сразу у одного сабе другой, — после чего назначившие автору задавали Горькому вопросы.

— Алексей Максимович, а как название рассказа? — спросил голос с места. — «Цвета сирени» — хорошее название? Горький, не выходя из своего кресла, со стороны, откуда спросил, и тоном обстоятельности ответил:

— Название рассказа или должно одним другим меткими словами определять смысл произведения, освещать его идеи и содержание, или названием рассказа автор пользуется как лириком, добавочным художественным штрихом, усиливающим впечатление от вещи. Здесь название «Цвета сирени» относится ко второму случаю, оно взято автором, чтобы усилить трагизм рассказа.

— А можно так, — спросил Мукосеев, — после конца моего рассказа приписать ещё одну строку: «Пальчики мои!» И весь рассказ назвать «Нахрапываю дождь»? Аудитория смеялась и закусала губы в ожидании ответа Горького.

— Можно, — возрично сказал Горький и задал вопрос: «Один раз глаголом, оставив лишь серьёзным». Всё можно. Только будет очень плохо, куда, никакая негодю.

Алексей Максимович, что важнее для писателя или писать или «что» писать — форма или содержание?

— Конечно, «что». Конечно, содержание. Когда у вас будет «что» писать, тогда явится и «как» писать. «Как» зависит от «что», а не наоборот. Понятно?

Когда вопросы иссякли, Горький встал, потянулся и, засунув руки в карманы брюк, медленно, раздумчиво зашагала по комнате, иногда останавливаясь то против одной группы авторов, то против другой.

— О чём пишете? — раздельно, сурово и обязательно выругиваясь в правую комнату его закончительные слова.

— О пустяках пишете! О не стоящих внимания пустяках! Кому это нужно! Никому! Что может дать народу такая литература? Решительно не может! Писатель есть, но не несёт своего народа. Не может знаменосец плестись в хвосте армии, он должен идти впереди. А чтобы идти впереди надо, нужно знать его нужды, идеалы, бороться за них, бороться умирать, если понадобится. Вот в какую сторону прежде всего обратите ваше внимание, начинающие литераторы!

Авторы, подобно овцам в непогоду, сбившись в разных местах в отдельные тесные группы, надивившись на стулья, на подоконниках, — сидели, по-дружески общались, и сосредоточено слушали. Они видели перед собой нетерпеливо шагающего по комнате действительно писателя — знающего человека, который кричал в лицо ему, него, держа в своих сильных руках доверенное ему народом знамя — знамя недовольства, протеста, борьбы.

Тогда поправившись с Горьким, авторы уловили от него деловитые, обстоятельные, доводящие до конца, обстоятельные, стараясь запомнить всё, что удалось им услышать от него.

О МОЛОДОМ СОВЕТСКОМ ЧЕЛОВЕКЕ

ОБОЗР ОТКЛИКОВ ЧИТАТЕЛЕЙ «СМЕНЫ»

Литературный диспут на страницах «Смены» об образе молодого советского человека продолжает вызывать живой интерес у читателей журнала. Среди ряда писем-откликов, поступивших в редакцию, попрежнему выделяется много заманчиво героям повести Вл. Добровольского «Трое в серых шинелях». Наши читатели пытаются как-то сравнить своего молодого человека с героями литературных трудов, которые шаркают Добровольский. И они видят живность повести как раз в том, что герои ее близки и понятны нашей молодежи.

Виктор Стрельцов (г. Устюжка, Вологодская область) пишет в «Смену»:

«Виктор Черкашкин мне очень близок и понятен... Делается особенно приятно, когда в делах и поступках героя книги находишь общее с собой черты».

Что же общего находит автор письма между собой и Виктором Черкашкиным? «Я также хочу», — пишет он, — как можно больше знать, люблю обществу и комсомольскую работу, уважаю и ценю сплоченность и дружбу студенческой семьи, страстный любитель спорта, предприимчивый и хвастунов».

Стрельцов недавно окончил театральную студию в городе Вологде. Сейчас он работает в театре, в том самом городке Устюжке, где случился происшествие, описанное в голубеньком «Револьвер» ассамблеянная работа, Виктор Стрельцов пишет о своих друзьях и товарищах, о том, что все они живут единым ритмом с жизнью страны.

Интересное письмо прислала в редакцию М. Верниковская (г. Магнитогорск). Она рассказывает о том, что 8 лет тому назад редакция газеты «Магнитогорский рабочий» провела анкету среди выпускников 10-го класса. Юноши и девушки ответили на вопросы редакции о своей заветной мечте. Это был 1940 год, когда школьники не могли и предположить, как поверят их жизнь война. И вот теперь, через 8 лет, эти анкеты залежили на архиве В «Смене» вернее всего, и этих анкет, заполненных Валентиной Курдюмовой, тогда 16-летней девушкой. На вопрос: «Какие качества считаете лучшими в характере человека?» — Валентина Курдюмова отвечала: «Честность, упорство в достижении своих целей, мужество». Валентина добилась осуществления своей мечты. Ныне она работает преподавателем Магнитогорского горнометаллургического института на кафедре проката. Ее приглашали в редакции местной газеты и попросили рассказать о судьбе других одноклассников, заполнивших анкету в 1940 году. Курдюмова рассказала:

«Когда началась Отечественная война, почти все наши десятиклассники учились в ин-

ститутах... Никто не захотел уйти от испепеления. Многие, прервав учебу, ушли на фронт. Юля Штепа взяла в руки полевою сумку младшей сестры, Голыковой Сафронь и Николай Малектова направились солдатские шинели. Ушел на фронт на железнодорожного института Николай Лекант. Те, кто остался учиться, получали быстрые письма друзей, знаящие их держали, преодолевая трудности жизни в военный год. И они анализировали. В 1943 году сталинский студент Вал Курдюмова знатила дипломную работу и получила диплом инженера-протактика. И вот теперь она уже не студентка, а преподаватель ведущей специальности в своем же институте, слал казидатский минимум. Во многом сложна судьба и других друзей одноклассников. Теперь у них новые мечты, еще более смелые, дерзновенные».

С письмом М. Верниковской как бы перекликается письмо Александра Антонова (г. Боготол, Красноярский край). Тот Антонов пишет тоже не о литературных героях, а о живых героях наших дней. Он рассказывает о семье Степановых — молодом инженере Владимире и жене его — Ирине. Я сообщал только простые факты, — пишет А. Антонов, — и в них, в этих маленьких черточках, взятых из жизни моего близкого друга, я вижу то новое, что выражает моральный облик молодого советского человека, которого мы должны знать. Что же это за факты, о которых сообщает в письме А. Антонов? Факты эти не представляют ничего необычного для нашей действительности, они типичны для жизни советской молодежи. Антонов рассказывает о самоотверженной работе, красивой любви и настоящей дружбе молодых людей, прошедших испепеления войны. Долгая разлука не охладила их любви. Верность и чистота души помогали им преодолевать невзгоды военных лет.

Теме любви и дружбы посвящены и некоторые другие письма, поступающие в редакцию «Смены». Об этом пишет Александр Штанко (Карагандинская область, Казахская ССР), М. Любимцев (г. Бобруйск) и другие.

Тов. Любимцев считает, что в советской литературе крайне мало таких героев, которые могли бы служить примером для нашего молодого человека, человека чистой, сильной любви. «Обычно», — пишет тов. Любимцев, — куда у нас хотят показать художественные образы, созданные Пушкиным, Гурьевым, или приводят в пример Ромео и Джульетту... Разумеется, такая любовь не может быть самодельной нашей литературы. А герои — молодой советский человек — непохож на шекспировских героев. Однако, письмо тов. Любимцев, литература наша должна яро

показать силу любви, той чистой любви, которая «показет преграды на пути к цели, побуждая героя творить». Необходимость такой темы в литературе не всегда, видимо, осознается не только литераторами, но и некоторыми практиками идеологического фронта. Так, тов. Любимцев рассказывает, что на сессии лекторской группы в г. Бобруйске обсуждалась недавно тема лекции «О любви, дружбе в семье». И вот некоторые ее участники работая на лекции в день тему «О браке в семье».

Тов. Любимцев считает, что темы этой тем более нельзя обходить, это в среде молодежи до конца не переварены еще нравственные уроды. «Борьба с подобными уродами», — пишет М. Н. Любимцев, — должна вестись не только докладами и лекциями. Необходимо, чтобы наши писатели в своих произведениях о молодом советском человеке показали странную, отвратительную физиономию этих уродов в личной жизни».

Скажем еще кратко о письме Г. А. Пелесяна (г. Елец, Орловская область). Автор сообщает в «Смену» об интересной литературной дискуссии, которая состоялась в Елецком учительском институте. Предметом диспута явились заветные повести Добровольского «Трое в серых шинелях». Однако обсуждение вышло далеко за рамки повести. В жарких спорах, критике одних и рассказывания о примере других своих товарищей, студенты говорили о моральном облике советского молодого человека. Они говорили о нынешних студентах Миле Иванове, Олеге Ростовеце, Николае Булгакове, Марине Вещайковой и других, которые в трудную годину для народа оставили учебники и с оружием в руках защищали честь и независимость своей Родины. Другие, как Зоя Евстигнева, Шура Паранина, Катя Мануйлова, заменяли успешных с звонка на фронт.

«Мир может поучиться у нас воспитанию человека с большой буквой», — говорит студент Щелков.

Крепко досталось на вечере студентке Чеботниковой, которая из ложно поного чувства личной дружбы пыталась покрывать свою попару, грубо нарушившую студенческую дисциплину.

«Диспут показал», — пишет тов. Пелесян, — что студенты горят желанием вести борьбу за такое воспитание молодого человека, как этого требуют интересы партии и народа. Молодой человек, Зоя Евстигнева, не робеет в своих силах, умело преодолевает трудности и преданного великому делу коммунизма».

Летящие пролеты и узкая площадка перед лесом, которая ведет в Ахатовый зал, в свои часы вечера заполняются шумной толпой. Никто в зал широко открыта, но здесь не переступает порога. Все ждут минуты, когда совершится торжественный ритуал открытия Клуба выходного дня студентов Московского политехнического института.

Этого вечера ждали и гости. Искра к нему давала. Последние минуты проходят потопом в особом интервале. И в этот момент Гость и почетный член Клуба Самуил Николаевич Маршак признает свою детичку и приглашают всех войти в помещение и занять места. На сцене, за круглым столиком, разместились гости.

КЛУБ ВЫХОДНОГО ДНЯ

Приехали писатели, артисты, композиторы.

Так начался 24 ноября 1946 года вечер — первый из многих. Он остался памятной датой в жизни комсомольской организации института.

Вечера Клуба прочно укоренились в институте. Студенты с охотой приходят каждое воскресенье в свой клуб, и студенты, которые воскресный вечер доставляет им не только большое удовольствие, но и принесет много пользы.

Приглашают и гости к студентам Московского политехни-

ческого института писатель Валентина Катаев рассказывает о своем творческом пути, поднимая своим замечаниями на будущее. Генерал-лейтенант А. А. Игнатьев читал главы из последней книги своих воспоминаний «48 лет в строю». Композиторы Г. Хренников, И. Воеводский, С. Кап знакомыми слушателей с новыми массовыми и лирическими песнями.

Интересным вечером было отмечено юбилейное событие дня рождения великого proletарского писателя М. Горького. Отдельные вечера были посвящены встречам с актерами

Московского Художественного театра имени М. Горького, с творческим коллективом журнала «Юность».

Члены Клуба непосредственно общаются с писателями, артистами, учеными, журналистами, известными специалистами, по-настоящему, более глубоко и полно участвуют в культурной жизни страны. Быть всегда в курсе последних событий в области искусства, науки, литературы, промышленности — вот задача нести свет перед собой Клуба.

Работой Клуба руководит выборное правление из двенадцати человек: науки, литературы, промышленности студентом 5-го курса Григорием Чудакимом, А. Шаповалова

В АНДРЕЕВКЕ

В кузове автомашины тесно. Сидят на узких свежевыстиранных досках, стоят, опираясь на плечи друг другу. Здесь и агрономы, и практиканты сельскохозяйственной техникумы, и землемеры, и даже журналисты... Где-то впереди девушка поет «Ах, ты!»; они как бы пробуют свои голоса: плеча то затряхивает, то звонкогласная и задорная, звучит, загугавшая сапог и рокот мотора и лодки и говор.

Рядом со мной сидит пожилая колхозница в большой цветастом платке. Лица её мне не видно: я вижу её жесткие, по-мужски широкие ладони, слышу её жалобный сдержанный голос.

— Я ещё прошлой весной говорила ему, Карпыч, что участок для картофеля не пригоден... Не веришь... Ну вот... пусть он самлично убедится... Я его сегодня чуть не с огком утащила... Иди, мой, посмотри, как у Дяновова...

Машина прерочно бежит необоротно ровными полями. Иредка мелькают дающие перекосы, отдельные деревца, сады, сёла. Люди машут руками, спрашивают что-то.

— В Андреевке? — отвечает с машины звонкий девичий голос...

Вот и Андреевка. Чистые, аккуратные домики, крытые под железом, чередом оканчиваются. Цветут вишни и черешки. Машина сворачивает с центральной асфальтированной улицы и мимо колхозного правления, мимо клуба и ряда парковалек за околицу. На шоссе тут же замирают в кюветы трактора и разбухшие почвой, осторожно, придерживаясь межи, стараясь не затоптать разрыхлённой, взлосканной человеческими руками земля, идут в поле, туда, где больше всего плодородно. Но тут прищипывая рассматривают колыхки с обозначением участков, корзинки с заготовленными для посадки клубнями, ошупывают, разминая на ладонях, землю.

Картошка-то на подбор... одна к одной... — Червоны!

Подошёл, здоровается: с одним — по-дружески, за руку, похлопывая по плечу; с другим — вежливо, почтено:

— Здравствуй, Георгий Михайлович...

Георгий Михайлович — это Дянонов, секретарь райкома партии. Приземистый, плотный, но очень подвижный мужчина, лет сорока семи, в запылённых с отёргнутыми наружку голенищами сапогах, в выгоревшем, подпоясанном плаще, выданном и дождь и вьюгу, бычавшем и в провинции секретаря ЦК и в любой крестьянской избе. Вспрепыхавших сюда он знает, со всеми здоровается, то и дело снимая свой ершачий с узеньким козырьком картузчик. Он душа этого важного начинания. Но его предложение Герой Социалистического Труда Валентина Дянонова провоняет сегодня показательною посадку картофеля на участке своего зёна.

Учти, учти людей надо, — объясняет Дянонов — ведь, в прошлом году у нас было всего сорок пять зёнов высокого урожая, а сегодня их больше шестистой! А зёныевые, — посмотрит, в основном молодёжь!

Я смотрю. Да, молодёжь. Широким полукругом стоят на обочине дороги Герои юности в военных гимназёрках, без галстуков, как солдаты, при чистых, белых воротничках, девушки в цветных шелковых косинках, разряженные, прачиванные. Лица у всех обветренные. Большие глаза Дянонова долго останавливаются, внимательно, не мигая, смотрят на васшо. А там, на васше, такие же, как и они, простые девушки, их подруги нетеропливыми, размеренными движениями рук укладывают в землю клубни картофеля с побольшими белешками ростками.

Впереди идёт Валя Дянонова. Она ничем особым не выделяется от других девушек своего зёна. На ней рабочая вывазанная из шерсти водофрка, беленькое, тёрными лоскотами, стиснутое платок. Светлорумые, поблекшие, по вывазанным платочком, сплывают на вспо-

тевший лоб. Валя стесняется поправить выбиравшийся локон. Да и некогда к тому же. Она идёт вслед за нарезчиком и посылает борозду выдерживаемым перегибом, или, как его здесь называют, сшапом. На пару с ней работает Дюк Соколова, её любимая подруга, комсомольский организатор и первый помощник во всех её делах. Дюк укладывает клубни в землю. Следом за ней, по завышенной борозде, идут приехавшие гости: смотрят, наблюдают, спрашивают. В руках у Дюк сморок: расстояние от одного клубня до другого должно быть выдержано: точно 30 сантиметром. А то, мол, Георгий Михайлович уже измеряет рулеткой (откуда она у него!), правильно ли соблюдается ширина борозды.

— Не ошиблись? — спрашивает у него Степан Михайлович Каретников, председатель колхоза.

Герой Социалистического Труда Валентина Дянонова (в центре) и зёна молодёжно-комсомольского зёна Дюк Соколова за посадкой картофеля.

Фото Г. Борисова

— Точно! Тридцать на семьдесят, — отвечает секретарь райкома, свёртывая рулетку. И шагает через две борозды, прокладывает, собирающим, Он приглашает всех на эту-то да же, окончив работу, приходит и Дянонов со своими девушками.

Здесь, из виду, звучит колхозного пруда, начал свою работу своеобразная академия, как назвал это собрание главный агроном Московского областного земельного управления тов. Шевцов. «Академия» эта наглядно продемонстрировала, что только в нашей стране, и стране победившего социализма, возможно истинно творческое содружество людей. Собирались агрономы, бригадир, председатели колхозов, зёныевые — люди науки и практики, — собирались, чтобы послушать интуитивную, узнать, в чём секрет её победы.

Дянонова коротко рассказала о урошном-ошном успехе её зёна. Да, было такое дело: собрали по 537,2 центнера с каждого из 5 гектаров, но об этом не стоит говорить... Она отстала даже допущенные в тот год ошибки: введении в лову соломошного, нетереперого зёнавоз, погрешности в дозировках минеральных удобрений. При том обязательстве, которое сегодня возлагает на себя, зёна — 700 центнеров с гектара на площади 6 гектаров, —

повторение подобных ошибок было бы равносильно поражению.

— Особое внимание, — говорит зёныевая, — мы уделяли подготовке почвы: землю вспахали на глубину до тридцати пяти сантиметров, ввели на каждый гектар по шестидесяти тонн навоза да по три тонны азотного и калийного суперфосфата.

— А навоза где столько достали? — перебивает Валя Дянонова.

Девушка улыбнулась, но ничего не ответила.

— Рассказки, рассказки, — настаивал секретарь райкома, — а то подумают люди, что ты другие зёныевы общела.

— В лесу Горностаевском да в Очковском, — ответила Дюк Соколова.

Оказывается, девушки много бессонных ночей провели в поисках порогоня. И однажды попали в Горностаевском лесу, что в пяти километрах от Андреевки, на стовибне, где во время вьюги в течение нескольких лет содержали закуривающийся скот. Там они взяли около ста тонн отложившегося навоза да «выручили» очковского колхоза. Ковал Иванова, которому директор совхоза собирался дать вывоза за грязь в столах. И из очковского колхоза они вывели примерно столько же. Вывели! А всех немощных трудов стоило это предпринять!

— Упех нынешнего года закладывался ещё в прошлом, — продолжает Дянонова. — На участке зёна мы выделили специальный, семенной участок. Клуби, — развесили, как грибы сушат, на проволочку, чтобы из каждого гектара росток появился... А уже отсюда, из колхозного клуба, положили их аккуратно в плетёные корзины, развозим теперь по участкам.

Её опять перебивают; на этот раз молодая девушка с медалью «За трудовое отличие».

— Говорят, лето сегодня засушливое будет, — лето спрашивает, него отвечает она. — Каким мерой мы, Валентина Иванова, думаете предпринять, чтобы избежать потерь?

Нельзя подумав, Дянонова начинает подробно рассказывать о глубине заделки клубней, о бороновании гребней борозды, чтобы уменьшить потерю влаги, об уничтожении земляной корки в дни всходов, о периничном и вторичном окучивании, о подкормке отдельных кустов, о мерах, принятых зёном для обеспечения плодотворности своих угодьями.

Я смотрю на эту молодую, двадцатилетнюю девушку с детской, застенчивой улыбкой, из её подруг, стоящих в кузове автомашины, окруженных толпой людей, и думаю: «Какая дерзость и сила в делах и помашах нашей молодёжки!»

***

«Вечер спускается незаметно... Уехала луцкерские колхозники на своих машинах. Вот приехала и наша трёхтонка. Шноа собираемся в кузов. Уже собираемся отъехать — алрут кто-то кричит: «Обождите!»

Вьюку к машине от правления колхоза, нетеропливо шагая, идёт моя соседка — пожилая женщина в цветастом платке. Рядом с ней, фронтально пошпывая рыжеватый, выгоравший на солнце уши, спешит небольшого роста приземистый мужичишка.

— Скорей, Карпыч! — кричат ему с машины.

— Вот, председатель, — говорит мой соседка, забираясь в кузов, — как Героев надо растить... Попробуй ты мне теперь персать. Я с тебя, брат, все лычки слоучу...

Всё светлеет. Вспомогательные. Над полями, окутанными вечерними сумерками, слытся звонкая девичья весня.

«Расщелтали яблоны и груши...»

Деревня Андреевка, Коломенского района, Московской области.

Молодёжь-комсомольцы из
Днепровской (слева направо):
Клавя Лобанова, Настя Гробица
и завхозка Валентина Далева.
Груда Социалистического
Труда Шершалава, Солова,
Валентина

фото Г. Борисова

«СМЕНЫ»

В журнале «Смена» печатается много рассказов начинающих авторов. Что представляет собой работа, в каком направлении работают молодые литераторы «Смены»? Этому вопросу и было посвящено майское совещание прозаиков в редакции «Смены».

В работе совещания приняли участие В. Лизин, Г. Дмитриев, Л. Подольский, А. Медников, В. Егеньев, Г. Абрамов, Г. Трутовский и другие. На совещании были поднят критическую работу рассказы, начатые в последних номерах журнала «Смена».

— Большинство замечательных рассказов, — заявил в своем отчете В. Егеньев, — объединяет прежде всего общность темы. Темой этой является повседневная жизнь нашей страны, строительство сталинской страны. Автор рассказов стремится раскрыть новые моральные качества советских людей, новые взаимоотношения, характерные для нашего времени и в первую очередь наших новых, социалистических отношений.

В. Егеньев привнес значительную творческую удачу рассказ Г. Дмитриева «А. Шиндлерская гордость» («Смена» № 6) отличается большой конкретностью ислетского видения, заданым автором деталям. В рассказе все выдвигает прототип, но простыми средствами автор правды сажо, но совершенно уверенно решает большую и важную тему. В рассказе А. Шиндлера «Дети и собаки» (№ 7) изображены те же будни жизни советской действительности. Однако и эти будни автор отобрал особенно глубоко и тонко художественное разрешение правильно избранной темы.

Рассказ А. Медникова «Имерик Фалес» (№ 2) не замечательно В. Егеньев, хотя и написал в основном вынужденно, но в этом рассказе содержится жизненная человеческая история. Все эпоху героя рассказ связывает только с производством. Этим автор объединил историю советских людей.

В. Лизин в своем выступлении отметил, что редакция при опубликовании рассказов молодых литераторов иногда руководствуется только необходимостью темы и не проявляет достаточной требовательности к художественной форме. Надо учить молодых литераторов видеть и своим произведениям искусство, заявил он редакция должна больше работать с авторами над произведениями.

Скорее удачливое в жизни, сказал А. Медников, даёт о себе знать и поднимает рассказ. Но мясисто писатели, редакция следует организовать командировки литераторов на заводы, на стройки, в колхозы.

Г. Дмитриев, Л. Подольский, Г. Абрамов и другие указывали на узость тематики журнала. Жизнь советского человека, жизнь нашей молодежи широка и многогранна. Нужно больше писать и о спорте, об охоте, о путешествиях, о любви, о дружбе, о семье, о науке, искусстве, о культуре, о молодёжи советской молодежи и т. д.

К самой производственной тематике, которой, безусловно, должна принадлежать доминирующая роль, не следует подходить узко, приносящим, скажем, только с точки зрения выполнения плана. Производственная жизнь, вообще трудовая деятельность — это необычайно широкое поле, на котором наиболее высоко и рельефно раскрывается человеческая жизнь. Не исключается возможность в выборе тем и их интерпретации. Чем шире будет круг тематик, тем разнообразнее начнет проявляться творческая индивидуальность авторов. Тем богаче и интереснее станет содержание журнала.

В ПРОЕКТНЫХ МАСТЕРСКИХ

А. НАТОЛЬСКИЙ

Архитекторы разработали эскизный проект Ростовского сельскохозяйственного института. Высокие, светлые окна, огромный антовый зал, просторные аудитории, выставочные, учебные, уютные. Кажется, все было учтено в проекте.

Но его отвергли городские организации Ростова. Причина — здание недостаточно красиво. Новый вид будет одним из крупнейших зданий городского центра. Ростовец не хотят, чтобы сельскохозяйственный институт стал самым лучшим украшением их родного города...

Этот закрашенный слух рисует замечательную черту всех новых строек нашей страны. Восстановила разрушенное, реконструирует существующее, созданы новые, советские люди хотят строить не только прочно и удобно, но и обязательно красиво.

Прежде всего это относится к вузам, стратегия которых намечено по плану сталинской пятилетки во многих городах нашей Родины: Магнитогорский

горно-металлургический институт, Алтайский сельскохозяйственный, Челябинский механико-машиностроительный, Запорожский сельскохозяйственный, Минский медицинский институты. Будут реконструированы и расширены здания Московского университета. Можно значительно продолжить это перечисление, говорить о величайшем росте культуры в стране социализма.

Для проектирования вузов в прошлом году была специально создана крупная проектная организация — Гипровуз при Министерстве высшего образования СССР, объединяющая значительное число больших мастерских архитектуры.

Руководитель одной из мастерских Гипровуза архитектор

И. Г. Гуров недавно закончил работу над новым проектом Ростовского сельскохозяйственного института. Уже утверждено проектное здание. На этот раз «примиритель» ростовецким доводам проектом.

Урагист горной и Воронежский государственный университет. Он будет состоять из шести величественных корпусов. Автор этого проекта — девятилетний член Академии архитектуры И. Гуринев — является главным архитектором Воронежа.

Над проектированием нескольких институтов работает главный архитектор Гипровуза Николай Бронников. Одна из крупнейших работ — металлургический институт. Строительство его начнется в следующем году.

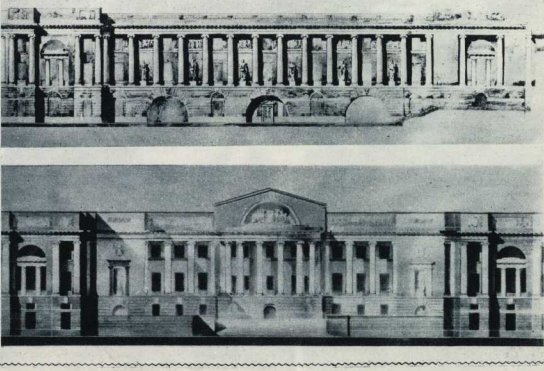
Для того чтобы представить, каким будет обновленный облик будущих вузов, можно по-разному ознакомиться с типом проектов. В центре здания — большой вестибюль с широкой лестницей, главный марш которой ведет в антовый зал на 600 мест. Светлые, высокие коридоры в местах обитания соединяются через холмы-гостиные, которые будут обставлены мягкой мебелью. Аудитории-амфиатры, библиотеки, лаборатории, мастерские... А во внутренних дворах — цветники, колоннады, скульптуры и фонтаны. Здесь студенты смогут отдыхать и в перерывах, во время экзаменов.

Так же тщательно разработали П. И. Бронников и его соратники, М. Г. Липовецкая и Э. Г. Заденари, проект реконструкции Московского Высшего технического училища имени Баумана, старинного здания, в строительстве которого приняла участие крупнейшая в русские воеводы Устюжский, Казанов, Гваренти, Жидарин.

— Высшее учебное заведение, — говорит архитектор Бронников, — должно быть современным произведением искусства. Чтобы юности и девятики прожитая жизнь, а бы сказал, священным, чуждом уже тогда, когда они впервые приступают к работе своего института; чтобы на все время запомнил молодой специалист архитектуру, весь образ своей новой жизни.

На с ним же (вверху): эскизный проект Воронежского государственного университета. Автор — Л. В. Руднев.

Вниз и в: внутренняя стена и фасад НИИУ имени Баумана после реконструкции. Между колоннами будут установлены бронзовые фигуры коэффициентов науки. Автор — П. И. Бронников. Соавторы — М. Г. Липовецкая и В. Г. Заденари.

ПЕРВЫЕ ПОДВОДНИКИ

из ИСТОРИИ РУССКОГО
ПОДВОДНОГО ФЛОТА

Первые попытки человека уйти под воду и подплыть к цели незамеченным делались ещё в глубокой древности. В этом убеждают нас легенды о подводных судах Александра Македонского.

Но если от легенд обратиться к историческим фактам, то они уведут нас не к такому уду древнему периоду истории и не к берегам Средиземного моря, а к нашим близким предкам.

Известно, что в XV—XVII веках турки и их вассалы крымские татары—часто совершали грабительские набеги на Украину и Россию. Это были хорошо продуманные, подготовленные и организованные военные походы. Но наш народ умел обороняться. Память народа и летописи сохранили немало воспоминаний об отрядах походов запорожцев в Крым и к берегам Малой Азии, Францисканский монах... Фурье побывал во второй половине XVI века в Константинополе. Вот что он сообщает в своих записках: «Византийцы и турки...»

«Здесь мне рассказали совершенно необыкновенные истории о нападениях северных славян на турецкие города и крепости...» Фурье... неожиданно, они поднимались прямо со дна моря и повергали в ужас всех береговых жителей и воинов. Мне и раньше рассказывали, будто славянские воины переплывают море под водой, но я почитал эти рассказы выдумками. А теперь я лично говорю с теми же подводными набегами славян на турецкие берега».

Францисканец Фурье—один из образованнейших людей своего времени, а в истории подводного кораблестроения он имеет прямое отношение: вместе с другим учёным монахом, Мерсеном, он написал в начале XVII века научный трактат, в котором изложил проект подводного судна.

Комментируя его записки, капитан Мошера, один из первых конструкторов подводной лодки, писал в 1820 году:

«Итак, ещё задолго до первого изобретателя подводной лодки Ван-Дреббеля и нынешнего знаменитого проектировщика Роберта Фултона запорожские казаки пользовались гробными судами, способными погружаться под воду, покрывать в погружённом состоянии большие расстояния, а затем всплывать в обратный рейс под парусами... Как были устроены эти запорожские подводные военные челны, мы точно не знаем. Известно только, что они зачастую обивались шкурами животных, пропитанными жиром, и имели на поверхности над водой небольшую трубу, подводному, гитавшему к судам и способному время от времени выместить

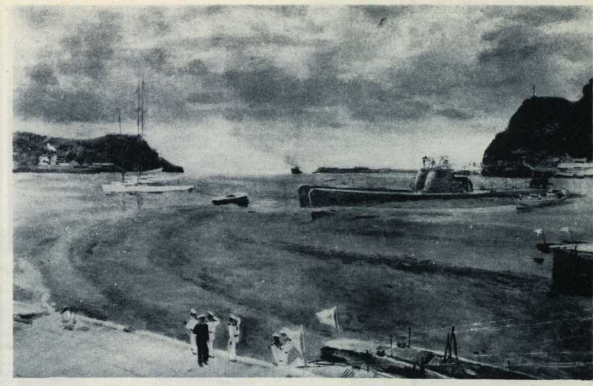
голову командира-наблюдателя. Двигались они при помощи вёсел, а отверстия для вёсел у них, над предположит, так же, как позднее и в лодке Ван-Дреббеля, прикрывались кожей...»

«Вряд ли они покрывали вёсла плетью через Чёрное море в погружённом состоянии. Можно скорее предположить, что поворачивались оно до берегов Малоазийского полуострова под парусами и только где-нибудь вблизи цели, пристав к пустынной берегу, эти сплавные морфалавенты наполняли двойное дно своих ярок несомни камнями, чтобы затем сбросить её балласт на дно и внезапно всплыть перед глазами объятого ужасом врага...»

Итак, вот, оказывается, куда приведёт нас взгляд на прошлое подводного плавания: к запорожским казакам! И приведёт он нас к несбыточному проекту самого Фурье, не к утлой лодочке голландца Ван-Дреббеля, с грехом попомин переплывшего под водой Тему в 1620 году, а к целой подводной флотилии, способной высадить десант и овладеть крупным портовым городом... А ведь за достоинственным учёным механиком Корнелием Ван-Дреббелем увековечена слава изобретателя первой подводной лодки...

Подводное судно не могло быть изобретено одним человеком. Оно создавалось и совершенствовалось веками, и целые поколения известных и безвестных изобретателей отдали много труда, прежде чем перед нами предстала современная субмарина.

И одним из первых участвует в создании подводного корабля русский народ. Вот что пишет об одном первоизобретателе подводного судна, русском крестьянине Ефиме Никонове, профессор В. В. Данилевский в своём обстоятельном труде «Русская техника»: «Петровские документы сохранили имена многих русских деятелей, занимавшихся новыми делами в области механики. В их числе... крестьянин Ефим Никонов—изобретатель подводных судов, то есть подводных лодок.

В. Ф. Штраних «в мирной обстановке». (Выставка «30 лет Вооружённых Сил СССР».)

В 1719 году Никонов объявил, что он может сделать «потайное» судно для скрытого нападения на неприятельский флот: «...следает от к военному случаю на неприятель угодное судно, которым на море в тихое время бродит хотя 6десят или двадцать и для пробы тому суду учинит образец... под потопленным своего живота, ежели будет неудобно». В январе 1720 года Никонов снова подтвердил, что берётся сделать судно, которое сможет идти в воде «потайно» и войти под военных корабль под самое дно. В том же месяце Никонов получил приказ сделать судно при Обер-Сарваерской конторе. Распорядились о выделении ему необходимых материалов и о выплате ему жалованья по 10 копеек в день. В 1724 году на Галерном дворе в присутствии Петра I начался слух «потайного судна», но во время слуха повредили дно, и испытание не состоялось. Через год Пётр I умер, а после его смерти начальник Никонина не было должным образом поддержано.

Русские изобретатели вписали немало славных страниц в историю подводного кораблестроения. Но если на Западе каждый новый проект подводной лодки являлся сенсацией и сопровождался порой неслаженной рекламой, то в России строители подводного флота, как правило, затирались, их работы замалчивались, их проекты погибали под грузом невнимания и равнодушия. Очень характерно в этом отношении и весьма трагическую историю удалось извлечь в 1940 году из-под суда царских архивов профессору Гернету. Многие читательницы «Правды», очевидно, помнят его статью об узнике Петропальбургской крепости и Шлиссельбургской крепости и Шлиссельбургском Черномором, работавшем в заточении над своим проектом подводного судна.

Мы до сих пор не знаем, за какое преступление в 1829 году попал в страшный каземат Петропальовки, а затем Шлиссельбург этот даник. Несомненно, это было

тяжкое государственное преступление, иначе он не содержался бы в таких суровых условиях, какие описал профессор Гернет.

Чернышевский провёл в Петропальовской крепости 3 месяца, и всё это время он неумоимо работал над чертежами и описаниями своего подводного судна. Примеч. в одном из своих писем царю Николаю I он писал, что начал работать над своим проектом ещё в 1825 году, то есть за 4 года до заточения в крепости.

Проект Чернышевского, как это видно по его чертежам и описаниям, был весьма не совершенным, но кто знает, что мог бы создать этот талантливый конструктор, если бы ему была предоставлена возможность работать свободно? Николай I остался глух к его письмам. Наоборот, вскоре несчастного узника-изобретателя по приказу царя перевели в секретный замок Шлиссельбургской крепости и запретили ему пользоваться там письменными принадлежностями. В полном отчаянии Чернышевский пытался покончить жизнь самоубийством. Ему помешали. Он провёл в Шлиссельбурге несколько лет, а затем против его фамилии в списках заключённых появились пометы: «Выбод из крепости. Указаний о его освобождении нет, остаётся предполагать, что он погиб».

Проект первой русской подводной лодки была сделан генералом Андреем Шильдером. Его судно, построенное совершенно самостоятельно, без каких-либо замствований у зарубежных изобретателей, показало при испытаниях хорошие качества, но после случайной аварии всё же Николай I назвал генерала-изобретателя «чужаком» и перестал интересоваться его судном.

Если запорожские казаки являются пионерами практического подводного плавания в истории всего человечества, то подводную лодку Андрея Шильдера можно с полным правом назвать первым русским подводным флотом.

Судьба новатора подводного судостроения Николая Черновского и Шальдера была суднами русских изобретателей. В начале XX века «Русское техническое общество» рассматривало проект подводной лодки братьев Карышевых. В отличие от иностранных изобретателей, занимавшихся почти исключительно военным подводным судостроением, талантливые братья-инженеры разрабатывали совершенно новый тип подводного судна, имеющего назначение мирное, коммерческое и отчасти научно. Благодаря особому устройству корпуса лодки Карышевых могла выдержать огромное давление воды. Это давало ей возможность опускаться к еще большей глубине, производить там работы по изучению подводных судов и по возмущению морского дна.

Проект Карышевых не был осуществлен, так как широкие возможности мирного подводного судостроения не интересовались.

Однако авторитетная ученая комиссия нашла в проекте инженера Карышевых очень много ценного.

Другой русский конструктор подводного судна, электротехник Апостолов, в 1889 году предложил весьма оригинальный проект подводной лодки, способной двигаться очень большую скорость.

Почти одновременно с братьями Карышевыми и с Апостоловым два русских конструктора, Иван Заковенко и Мельхиседек Завенцов, совместно разработали оригинальный проект подводной лодки. Это судно было построено на Одесском судостроительном заводе в 1905 году и вошло на воду и совершенно успешный переход из Одессы в Севастополь.

Это первое подводное судно, совершившее дальний переход (в 1905 году в Каспийское море «Росви»). Благодаря особому устройству двух своих винтов оно способно было развивать скорость в 6 раз большую, нежели сама конструкция по тем временам подводная лодка американской компании «Голланд».

Начало практического строительства русского подводного флота относится к 900-м годам.

Три наиболее опытных специалиста судостроения — инженеры Бубнов, Беклемишев и Горюнов — с радостью взяли участие в проектировании. Они разработали отличный проект, и первая подводная лодка «Дельфин», сложившая начало русскому подводному флоту, в 1905 году построена на Балтийском заводе. По отзывам специалистов, оно по своим качествам стояло гораздо выше американских подводных лодок.

В дальнейшем Балтийский завод выпустил еще 5 подводных лодок типа «Дельфин», и к 1908 году Россия уже располагала небольшим подводным флотом, превосходящим русскими инженерами, по русским проектам, на русских судостроительных заводах. С увеличением времени этот флот увеличился, но впоследствии из подводной флотии на наших морях появились только после Октябрьской революции. Великая советская держава, создав свою мощную социалистическую индустрию, построила в Черноморском подводный флот Героических подвиги советских подводников в годы Великой Отечественной войны и в настоящее время имеет в своем флоте славу лучшего в мире.

Артур А. Игнатьев в роли Александра Матросова. (Кадр из фильма «Радовой Александр Матросов».)

РОЖДЕНИЕ ОБРАЗА

Ник. КЕМАРСКИЙ

Драматург закончил сценарий. В тотой подступил вистов визитоз за визитом, сцена за сценой раскрывается образ героя. Записанные слова, которые герой будет говорить, его поступки, которые он будет совершать, созданы характерно людей, окружающих его. Но это еще не фильм, это всего лишь рассказ о будущем фильме. Кажется, кто читает этот рассказ, еще по-прежнему представляет себе и детали обстановки, и внешний вид героев, и характер их поведения.

Такому сценарию попадает к режиссеру. Еще очень далеко до начала съемок, еще пусты павильоны, но именно сейчас, при чтении сценария режиссером, начинается первое воплощение литературного материала в новые кинематографические формы. Начинается рождение живого, образного строя будущего фильма. Кадр за кадром пишет режиссер постановочный сценарий. Обобщенная литературная запись теперь начинает приобретать конкретные признаки, в которых уже ясно очерчено то, где будет происходить действие, и сколько времени оно будет продолжаться, и какими приемами киноязыка оно будет выражено.

Теперь будущий фильм, записанный по отдельным кадрам, готов начать свое производственное существование. В работу включаются художники, пишутся эскизы декораций, обсуждаются детали костюмов. Оператор и его ассистенты разрабатывают световые схемы, продумывают общий стиль фотографической стороны фильма. Вспомогательными деталями становятся бутылочки, режиссер, макеты...

Но снимать фильм пока невозможно, потому что еще нет тех людей, внешний облик которых будет соответствовать представлению режиссера о его героях; нет тех людей, кто силой своего таланта должен воплотить в жизнь созданный драматургом персонаж, нет актеров.

С момента выбора актеров и начинается реальное рождение будущего фильма, уже во многом близкое к тому, что мы потом увидим на экране.

...Когда режиссер глумился «Союзкино» Леонид Луков закончил разработку постановочного сценария фильма о легендарном герое Великой Отечественной войны рядовом Александре Матросове, перед ним встала задача, решение которой в какой-то мере определяло успех и неуспех будущего фильма. Он должен был найти такого актера, который не только смог бы воплотить на экране внешний образ героя, но и передать его внутреннюю красоту и величие души этого героя.

Режиссер Луков не представлял себе Александра Матросова исключительным человеком, воином которого мог быть совершен только однажды. История Великой Отечественной войны убеждала режиссера в том, что героям был одной из типичных черт поведения всех советских людей. Сорок героев, сорок беззаветно любивших свою Родину солдат и офицеров в разных условиях и в разное время поступили так же, как и Матросов, закрыв своим телом смертоносную гранату вражеского дзюмбета.

У всех у них были разные биографии, разная внешность, разные характеры, и всех их объединяло одно: они были воспитаны советскими людьми, советскими партизанами, советскими бойцами, и это определило их поведение в момент, когда человек волею обстоятельств был должен совершить то, что дано совершить лишь однажды, — смертельную угрозу для жизни своих товарищей, дать им возможность вырваться победою из рук врага. Советские герои — явление типическое, массовое. И эта типичность предопределяла творческие задачи Л. Лукова. Фильм был задуман не как предельно чуждый изложения биографических моментов из жизни исключительного человека, а как история обыкновенного советского юноши, вырастающего в условиях войны. Родной и пришедшего на войну защищать эту Родину от врага. Короткий разветвленный путь этого юноши, живящего под огнем и являясь ярким подтверждением основного правила нашего общества: «Человек человеку —

друг». Чувство дружбы, любви к людям было воспитано в Саше Матросове теми советскими людьми, в среде которых он жил, работал, учился. И это воспитание было продолжено в дружной фронтовой семье.

Л. Луков просил себе образ Сашу Матросова как образ передового молодого человека коммунистического общества, вселюбя и любящего в окружающую его жизнь.

«Требовалось найти актера, который мог бы реализовать замыслы режиссера. Ассистент режиссера долго и терпеливо искал его. Они пересмотрели множество молодых актеров в студиях и в театрах. Молодых людей было много, но среди них не вышло того, кого искали. Нужен был человек, который не только обладал бы внешним сходством с Матросовым, но и сумел бы передать внутренний мир своего героя...»

Решающую роль, как это часто бывает в искусстве, сыграл случай. Однажды ассистент режиссера Познанская приехала в театральное училище имени Пушкина. В vestibule ее внимание привлек молодой студент, только чтошедший следом за нею. Это был энергичный, ловкий в движениях юноша, с умными, быстрыми глазами. Ассистенту понравились его лицо — простое русское паренка.

В одну минуту он успел снять пальто, пошутить со швейцаром, перекинуться несколькими словами с товарищем. Ассистент бросился в глаза, что этот юноша не просто обладает обаянием, свойственным юности, но что всё его поведение органически связано с товарищем. Ассистенту казалось, что юноша словно насыщенный энергией, которая проявлялась в каждом его движении, слове, интонации...

Когда его привели в студию и поставили перед ним, тот сразу же решил, что роль Сашу Матросова должен играть вот этот молодой студент: настолько его представление о Матросове совпадало со всем обаянием этого живнерадостного юноши.

Так комсомольцу Анатолию Игнатьеву, студенту выпускного курса театрального училища имени Пушкина, было предложено воплотить на экране бессмертный образ комсомольца-патриота Александра Матросова.

Надо сказать, что неожиданным тут было только одно обстоятельство: то, что эта роль пришла к Игнатьеву из кино. Самая же мысль о том, чтобы сыграть когда-нибудь роль Александра Матросова, уже несколько лет была самой большой мечтой молодого актера. Готовясь к изучению подбора материалов, научив биографию героя, узнав историю его жизни, его склонности. Теперь всё это необычайно пригрозилось ему. Мечта стала явью. Хотелось добиться лишь одного, чтобы миллионы зрителей, увидев в кинотеатре фильм, узнали и полюбили Сашу Матросова, чтобы он для них оказался таким же живым и близким, каким представлял его себе Анатолий Игнатьев.

Задача была не из легких. Леонид Луков деятельно помогал и направлял работу молодого актера, но более всего и сильнее

всего помогли Анатолию те, кто был товарищем — его герои, — солдаты полка имени Матросова, в подразделениях которого неслись натурные съёмки фильма «Рядовой Александр Матросов».

Анатолий Игнатьев перестал быть просто актёром: он стал солдатом, рядовым Александром Матросовым. Вместе со своими товарищами по взводу он ходил на учения. Вынавшие солдаты показывали ему, как надо вылезать оружием, как ползать по-пластунски, как бросать гранаты. На собственном опыте он постигал, что значит вылезать вылезать солдат, солдатская дружба, солдатская жизнь. Живя вместе с ними, он слушал их воспоминания о Матросове: устные легенды и песни, рождённые в солдатской среде великой силой его бессмертного подвига. И с каждым днём он всё реальнее и ярче представлял себе этого юношу, образ которого он воплощал на экране. Он не знал, хорошо или плохо получается роль, но он уже чувствовал, что Саша Матросов создавал бы это слово или сделал это жест именно так, как это делал он, только так, а не иначе.

Признание жизненности создаваемого им образа пришло ещё раньше, чем был готов фильм. Он скоро перестал быть Толей Игнатьевым. В глазах солдат, его товарищей по учёбе и по съёмкам, он стал «Сашей», «Сашей Матросовым». Особенно ярко это проявилось в тот момент, когда начались съёмки самого подвига Матросова. Множество солдат стояли вокруг дзота, к которому подползал Игнатьев. Это были не просто любознательные зрители: это были люди, которых искренно волновало то, что разыгрывалось перед их глазами. Они от всей души боялись за этого парня в серой шинели, ползущего прямо к пулемётной амбразуры дзота. Они кричали ему, как беспечно подберётся, и актёр, невольно следуя этим советам, позабыл про все указания режиссёра и про композицию кадра, полз так, как полз бы к дзоту во время боя любой из этих солдат.

А когда «Матросов» закрыл своим телом амбразуру и эпизод был окончен, все зрители вдруг замолчали... Потом десятки рук протянулись к лежащему грустно на пулемёте Игнатьеву и бережно, осторожно подняли его...

Этого эпизода не было в сценарии, но этот эпизод есть теперь в фильме. Авторами его великого успеха те солдаты, которые поступили на съёмке так, как этого требовали их души, возмужавшие вновь великой картиной великого подвига своего поколения.

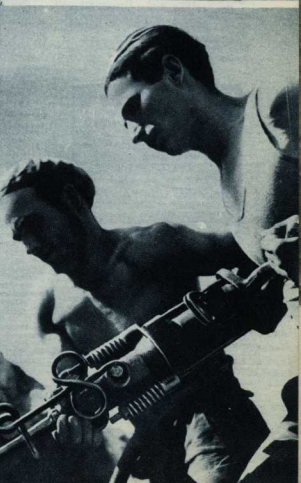
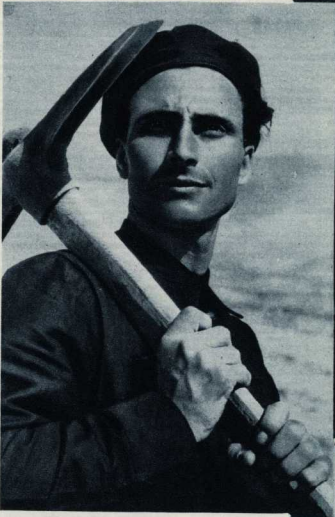
...Окончились съёмки, и фильм начал свою жизнь на экране. Уже сотни тысяч зрителей смотрят его, снова и снова воскресая в памяти великие дела последних дней войны. Живой в своём бессмертии Александр Матросов идёт по стране, пробуждая в сердцах людей высокие чувства любви к своей Родине и великой близости к героям, рождённым ею. И, расходясь после просмотра, молодые ещё и ещё раз вспоминают слова сталинского приказа:

«Великий подвиг товарища Матросова должен служить примером воинской доблести и героизма для всех воинов Красной Армии» (И. Сталин).

МОЛОДЕЖЬ БОЛГАРИИ СТРОИТ

Чудесные перемены происходят в новой, демократической Болгарии. Недавно ещё отсталая, аграрная страна быстро становится страной индустриальной. Свободный болгарский народ с воодушевлением выполняет свою задачу.

Болгария покрылась густой сетью поворотов. Растёт большой новый промышленный город Димитровград у реки Марицы. Ему предназначено стать в недалёком будущем крупнейшим индустриальным центром страны. Строится железная дорога между городами Дович и Троян. Возводятся мощные гидростроительные «оси» с мощностями объёмом в 290 миллионов кубометров. Среди розо-

вых полей Казанлыкской долины, на горной реке Тунджа, раскинулись огромная стройка «Коприклек», «Росенка» и «Коприклек» оросят 60 тысяч гектаров земли, здесь будет построено 3 электростанции, которые ежегодно будут давать 100 миллионов киловатт-часов электроэнергии.

Все эти крупнейшие сооружения осуществляются силами молодёжи. Везде, во всех концах страны, самоотверженно трудятся юноши и девушки — члены строительной бригады имени Георгия Димитрова. «Скоро в нашей стране», — говорит вице-премьер Болгарии Трайко Костов, — не останется ни одного уголка, где бы не происходило строительство. Молодёжь может сказать: «Стройка — плод нашего труда, наших усилий».

Бригада имени Димитрова насчитывает уже 200 тысяч добровольцев-строителей. Кроме того созданы местные строительные бригады в областях, на фабриках и заводах, в селах, и школах.

Трудно приходится молодым патриотам. Крайне добит они тяжёлые скалы, кузнецами и фанатами носят воду, деревенскими тачками вывозят миллионы кубометров земли, работают они и в зной и в стужу, и дождя и вьюгу, но никогда не отступают перед трудностями, никогда не отступают перед трудностями, они всегда бодрые, весёлые, жизнелюбивые.

Снего сражались со стихией, борясь с трудностями, молодёжь новой Болгарии проводит великодушную школу мужества и выносливости. Такая молодёжь выдержит любые испытания, не дрогнет ни перед какой опасностью. И в с и м а х: добровольцы национальной бригады имени Димитрова на мощностях стройках Болгарии.

П. Александров

НОВЫЕ КНИГИ

советских воинов в этих боях, о днях, когда рождалась судьба последнего каталиста Германии, о знаменитом девятим сталкинском ударе. Книга написана с большим знанием материала, с воиной точностью в изложении событий, с убедительностью документа.

...Войска маршала Толбухина форсировали Дунай на юге Венгрии, прорвали оборону противника и, продвигаясь вперед на 40 километров, продолжали наступление. В этот же день бой осуществлен и врыв с севера. Выполняя приказ старшего Верховного Главнокомандования, маршал Малиновский подготовил новую операцию. Под прикрытием непрерывных дождей и туманов севернее Будапешта стягивались наши артиллерия, сосредоточивались лехотные части, танки и кавалерия. 9 декабря бой начался сразу на нескольких направлениях. На 120 километров по фронту вражеская оборона была сокрушена.

Другая группа войск, маршала Малиновского, форсировала Дунай южнее Будапешта. В районе озера Веледзе эти части соединились с частями 3-го Украинского фронта, наступавшими на север. Фронт подожгло охватил Будапешт. Автор подробно описывает яростное сражение за «яслино Маргариты», кипение фронта вокруг Будапешта, окончательное окружение Будапешта и его падение.

Подробно и живо описаны автором упорные уличные бои, бои внутри домов, в катактах; сколько в них правдивых деталей современного боя! Бог идет комсомольское собрание ночью, после боя, в доме, заткнутом для каста тому назад. Повестка дня: предстоящий штурм вражеского квартала. Выступают коротко, деловито, голосурт, поднимая комсомольские библиотечки. «И это движение по-хоже на торжественную клятву», — пишет автор, — и эту клятву вспоминают огнем, со всем комсомольским пылом, на бездорожном героическом порыве. Вот комсомолец-гвардеец Осадов повторяет подвиг Матросова: телом закрыл вражеский пулемет. Вот советские бойцы спускают от немецких извергов одну из лучших музыкальных школ Будапешта, ценнейшие музыкальные инструменты, входящие в ней. Благодарный старик учителю музыку вне себя от радости, со слезами на глазах обнимает советских воинов.

Будапешт пал. Венгрия вышла из истории. Сталинский приказ был выполнен.

Советские воины помогли венграм возродить жизнь в Будапеште. Автор подробно описывает жизнь в Будапеште.

Книга С. Смирнова читается с интересом, она встретит хороший прием у советского читателя.

М. Галин

СМЕНА
В номере:

- Гордость народа.
- Михаил Аношкин — Сугонан не сердится.
- Глеб Пагрия — Стихи.
- Ф. Борисов и М. Гренин — На практике.
- Н. Никандров — У Горького.
- Новые работы лауреата Сталинской премии художника Н. Жукова.
- О молодом советском человеке — обзор откликов читателей «Смены».
- А. Шаповалова — Клуб выходного дня.
- С. Крутилин — В Андреевке.
- Прозанки «Семь».
- А. Натальский — В проектных мастерских.
- Г. Гребнев — Первые подвиги.
- Ник. Комарский — Рождение образа.
- П. Александров — Молодыж Болгарии строят.
- М. Галин — Бои за Будапешт.

ШАХМАТЫ

Уже в 22-м туре Ботвинник обогнал себе первое место и занял четвертую мира. Когда же в 24-м туре Ботвинник выиграл у чемпиона США Ренникова, это-то на голландцев после этого выиграл: «Справно, зачем нужно было Ботвиннику трудиться, если мог сделать спойную «променитеру» ничью».

Нет, это не в духе Ботвинника. Он настоящий шахматный герой и играет как настоящая партия в полную силу.

Приводим партию, сыгранную в 24-м туре шахматного матча-турнира на первенство мира.

Белые: М. Ботвинник
 1. e2-e4 c7-e5
 2. Кf1-f3 Кb8-c3
 3. Кh1-c3 Кb8-f6
 4. Сf1-b5 Сb8-b4

Дебют четырех коней редко встречается в современных турнирах. Черные могут без опасений продолжить турнирную игру ходом 4... Кd4 5. К: d4 e: d4 6. e5 d: e3.

5. 0-0 0-0
 6. d2-d3 Сb4: c3

Книга надо размещать, иначе он выйдет на e2 и перейдет на королевский фланг.

7. b2: c3 d7-e6
 8. Сd1-e3 Кb8-e7
 9. Jf1-a1 Кb8-b6
 10. Сd3-d4 Кb8-e6
 11. Сd3-e1 Jf8-g8

Эта позиция хорошо известна по теории. Рекомендуются 11... e5, после чего желая белым играть 12. d: e5 d: e5 13. К: e5? Кb7.

Ренников добивается сложной игры. Лучшее здесь играет 12... Кf8. Ботвинник после партии указал на заманчивую идею черным 13... К: f4 после этого дальнего хода 14. e5 f: e4 15. e5 Кd4. К: f4 получает сильную атаку.

14. e2-e3 Фd7-e6
 15. Jf2-f3 Кd4-b6
 16. Сd3-e3
 17. С: b6 было очень сильно. Черный принужден брать пешку, поскольку 16... Ф: b6 не годится из-за 17. d: e6.

17. Фd1-d2 Кf8-g8
 Если Ренников предложил ничью. Но Ботвинник отклонил это предложение. Понимая досаду игрока, он лучше, у него два слона и более активная позиция. У черных фигуры раскопаны, но судя по своему общему виду 18. Кd4-e2. Ничего не давало 18. С: b6 из-за промывочного размена 18... К: b4.

18... Сb8-b3
 Если бы Ренников думал играть вничью ходом 18... Ф: f3, то после 19. Сd2 Фb8 (вместо 19... Ф: f4) 20. Кb5 и ходом Сb5 20... О: a4 выигрывает для черных неприязни по линии f.

19. Сf1-e2
 Очень коротко было так: 19: b6 и b7 20. Кe3 e большие промывчат у белых.

19... Оb3: e2
 Решенный анализ, что при спокойной игре Ботвинник совершенно негоден. Поном. черные чуть контрпьяны e жертвой пешки.

21. e4: e3 e5: e4
 22. С: f4
 Но не 22. Ф: d4?? Кf5 и больше теорет. фигуры.

22... Кb6- f5
 23... Сd2- f2 Кb6- e3
 24. e2-c4 e4- b7
 25. b7-a6
 26. b7-a6

Ботвинник считает, что ему удалось играть еще сильнее. 20. Лa-b1
 25... Кf7-b5
 26. Фd3-e5 Фd7-b5
 27. d4: e4 Кb5-b4
 28. О: e2-d3 Кd4: e3
 29. Сf2: e3 Кf8: e4

Проматривает остро. Личье было 20... Кf1-b4? или 29... К: e3.
 Нет другой защиты от угрозы 31. Л: e4.

31. e5: e6 Кd4: e6
 32. Сd3-c4 Кf8-c8
 Необходимо было сначала метиться на d1. Но партия черных и тогда.

32. Кf1: e2+ К: e: e8
 33. Сd4-f6 Кf8-b8
 34. Сd4-e4 Кb7- f7
 35. e4: e5 Кb7- f7
 36. e4: e5 Кb7- f7
 37. Кf8-g8 Кf8: e7
 38. Лd8: e7 Кe7: b5
 40. Лd7- d7 Кf8: e3
 41. e2-a4 Ренников

Эта сильно проведенная партия является первой победой Ботвинника в этом матче, хотя он стал чемпионом мира.
 Примечание Гросмейстера С. Флора

Заветный камень

Слова А. ЖАРОВА

Музыка лауреата Сталинской премии Б. МОКРОУСОВА

Холодные волны взрывают лавиной
Широкое Чёрное море.
Последний матрос Севастополя покинул,
Уходит он, с волнами споря,
И грозный, солёный, бунтующий вал
О шхунку волну за волной разбивал.

В туманной дали
Не видно земли,
Ушли далеко корабли. } 2 раза.

Друзья-моряки подобрали героя,
Кляпса вода штурмовала...
Он камень сжимал поспешившей рукою
И тихо сказал, умирая:
«Когда покидал я родимый утёс,
С собою кусочек гранита унёс».

И там чтоб, вдали
От крымской земли,
О ней мы забыть не могли. } 1 раз.

Кто камень возьмёт, тот русский пошлится,
Что с чуждой кровью его будет,
Он перлам в любимую бухту вернётся
И клатыг своей не забудет
Тот камень заветный и ночью и днём
Матросское сердце сжимает огнём.

Пусть свято хранит
Мой камень-гранит,
Он русское кровью омыт. } 2 раза.

Сквозь бури и штормы пройдёт этот камень
И станет на место достойно.
Знакома чужда помылет кружины,
И сердце забудет сквозилою.
Взойдёт на утёс черноморский матрос,
Кто родина поутю слезу прамос,

И в мировой дали
Пройдут корабли
Под солнцем родимой земли. } 1 раз.